

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ

АМЕРИКА OFF...

Андрей Юрьевич Ерпылев

Америка off...

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129963
Америка off...: Армада, Альфа-книга; Москва; 2005
ISBN 5-93556-550-1

Аннотация

Хватит брюзжать, что жизнь пресна и скучна! Земля вновь поставлена на грань глобальной катастрофы, пришедшей оттуда, откуда ее никто не ждал. И виноваты в этом... Как вы догадались? Но еще ничего не потеряно, если за дело берутся отставной русский морпех Серега Извеков, обожающий играть на компьютере, и агент ФБР – прелестная Мэгги Смит. А попутно им предстоит проверить на практике байки старика Эйнштейна о пространстве-времени, раскрыть тайны Атлантиды, Бермудского треугольника и Тунгусского метеорита, заглянуть одним глазком в далекое будущее и за грань жизни и смерти, схватиться насмерть с живым мертвецом и...

Но все это после, а пока «Америка off...».

Содержание

Пролог	12
1	39
2	55
3	73
4	95
5	106
6	118
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Андрей Ерпылев

Америка off...

*Если б Штаты разом сгнули,
Вот была бы красота,
Медным тазом бы задвинулись,
И исчезли без следа...*

Н. Твердаяев «Мечты»

– Заходит как-то Петька к Василию Ивановичу...

– Who?.. Кто есть этот Василий Ивановичишш?

Константин с досадой махнул рукой, чего в невесомости, конечно, делать никак не следовало, и тут же оказался перевернутым на сто восемьдесят градусов, то есть вниз головой. От дальнейших акробатических этюдов его спас собеседник, Джерри Ларкинс, астронавт НАСА, ловко перехватив кувыркающегося товарища за штанину.

– Спасибо...

– Не стоит благодарности, Костя... Так кто есть этот Василий Ивановичишш?..

– Василий Иванович, Джерри, – вмешался в разговор невидимый из «кают-компании» Стас Старицкий, копавшийся в развороченном, словно в него только что угодил фугасный снаряд, приборе, – это наш национальный герой. Участник гражданской войны. Погиб в одна тысяча девять-сот девятнадцатом году, а фамилия его – Чапаев.

– Вау! Но потщему вы рассказывай про него joke... Шутка?

– Анекдот, – утвердительно покивал Стас, предварительно «зафиксировавшись» на неподвижном основании.

– Но потщему?..

Костя задумался, запустив пятерню в свою роскошную шевелюру, здесь, в состоянии невесомости, вечно стоявшую дыбом. Из своего перевернутого положения в привычное он возвращаться, судя по всему, совсем не собирался. Хотя, кому привычное, а кому и нет: кто может поручиться, что как раз сейчас именно он не занимал правильное?

– Это наш национальный обычай, Джерри, – снова пришел на выручку товарищу Стас, на секунду выставив из-за нагромождения серебристых корпусов смеющуюся физиономию.

В отличие от соотечественника, он был пострижен очень коротко, что в сочетании с на редкость грубо вылепленным лицом чаще всего заставляло любого собеседника усомниться в его двух высших образованиях и кандидатской степени. Атлетическое сложение и заскорузлые ладони молотобойца интеллигентности командиру двенадцатой экспедиции на МКС¹ отнюдь не добавляли. Равно, как и низкий, хриплый и грубый голос, подходящий, скорее, какому-нибудь геологу или моряку, чем космонавту. И тем не менее, Станислав Валентинович Старицкий был именно космонавтом, дважды героем России (первый раз еще СССР), совершавшим сего-

¹ МКС – Международная Космическая Станция

дня, 4 июля 200... года свой четвертый орбитальный полет. Да, да, четвертое июля, День Независимости США, который по традиции, благо, что на борту станции всегда присутствовал американский гражданин, решено было отметить вечером небольшим банкетом (конечно же без спиртного... разве что самую чуточку) и теперь все пребывали в сладостном предвкушении.

Всего экипаж огромной конструкции, несшейся по орбите над сине-бело-пестрым шаром, состоял из трех человек: самого командира Старицкого, совершавшего свой второй полет космонавта-исследователя Константина Валежникова и астронавта НАСА, Джереми Т. Ларкинса, полковника ВВС США и рекордсмена по полетам среди экипажа станции – он побывал в космосе уже пять раз.

Несмотря на возраст и свой космический стаж, старожилором орбиты он, увы не являлся, а по сравнению со своими русскими коллегами, чей суммарный налет составлял без малого тысячу дней (шестьсот тридцать восемь дней у Старицкого и двести восемьдесят восемь у Валежникова), вообще чувствовал себя едва ли не новичком, так как за все предыдущие полеты провел в космосе меньше, чем за этот – всего семьдесят шесть суток. Что делать, если до сего момента ему доверяли всего лишь выводить на орбиту многотонные машины «Шаттлов»!

Покровительственное отношение двадцатидевятилетнего Костика, годившегося в сыновья, старого вояку (осенью

Джерри стукнет пятьдесят четыре года и, вероятно, это его последний вояж за пределы атмосферы), совершенно не раздражало. Парень он был дельный, специалист хороший, в чем не раз была возможность убедиться, а что до подначек... Ларкинс усмехнулся, вспоминая себя в его годы...

– Так что там с твоим Тшапаевым, Костя?

Валежников оживился.

– Значит заходит как-то Петька к Василию Ивановичу, а у того в комнате огромный пульт, весь в разноцветных кнопках и лампочках, навороченный такой...

– Стоп, Костя! – снова перебил Валежникова Джерри, озадаченно морща лоб. – По-моему, Стас говорил, что это было в девятнадцатом году прошлого века. Откуда же board?.. то есть пульт.

– Ну анекдот это, анекдот! – Константин, в сердцах, снова едва не хлопнул себя ладонью по ляжке, но вовремя сдержался. – У вас ведь в мультфильмах тоже Микки-Маус летает. А разве мышь летает? Я обычную имею в виду, домашнюю, а не летучую...

– Оу... Ладно. Дальше.

– Ну и спрашивает Василия Ивановича, чего, мол, тот делает. А тот: «Да вот, пульт управления стратегическими ядерными ракетами, а я дежурю...»

Ларкинс снова открыл, было, рот для уточняющего вопроса, но, под бешеным взглядом Константина, захлопнул. Валежников облегченно продолжил:

– Петька спрашивает: «А мне можно тоже немножко подежурить?» Василий Иванович подумал-подумал и разрешил. «Дежурь, – говорит, – маленько, пока я посс...»

– Константин Павлович! – подал голос Старицкий и Костя тут же поправился:

– «В туалет, – говорит, – схожу на пять минут, а ты посиди. Только на красную кнопку не нажимай...» И показывает огромную такую кнопку, размером с тарелку. Ну, Петька рад стараться, забрался в кресло, сидит, на экраны смотрит, тумблерами разными щелкает... Сидит-сидит и скучно ему стало. «Дай, – думает, – нажму кнопку, Чапаев-то, может быть и не узнает...» Сказано – сделано. Только нажал, как лампы замигали, сирены завывли и вбегает Василий Иванович без шта...

– Костя!

– Ну, не совсем одетый, – поправился Валежников. – «Петька! – кричит. – Хватай ластик, бежим Америку с карты стирать!...»

И первым заржал, сотрясаясь в воздухе, будто огромный комок желе.

Ларкинс криво усмехнулся и поплыл мимо колыхающегося шутника к иллюминатору. Старицкий снова высунулся из-за своего прибора и, выразительно глядя на товарища, молча повертел пальцем у виска, а Костя в ответ пожал плечами, плавно опускаясь вниз. Пока шла эта пантомима, Джерри успел устроиться у одного из «окошек», как на стан-

ции попросту называли иллюминаторы, и сдвинуть свето-
фильтр, в котором пока не было необходимости: солнце на-
ходилось с другой стороны станции.

– Джерри... – шутник подплыл к американцу и нерешительно тронул его за рукав. – Ты что обиделся? Я не хотел...

– Что ты, Костя! – астронавт повернул к товарищу лицо, действительно совершенно спокойное. – Я совсем, ни чуточ-
шки, не обиделся. У нас, я помню, лет двадцать назад хо-
дили такие же joke's... шутки про вас. Только там Россию
стирал с карты ковбой Рони Рейган. Слава Богу, что все это
осталось шуткой...

– А что ты там высматриваешь? – Валежников решил сме-
нить довольно скользкую тему и, вытянув шею, попытался
взглянуть через массивное плечо Ларкинса сквозь толстый
стеклянный диск.

– Сейчас должен показаться Сиэтл, – немного посторо-
нился грузный американец, освобождая место еще одному
зрителю. – Представляю, как все сегодня веселятся на земле.
Day of Independence!.. День Независимости, – тут же перевел
он, хотя оба русских отлично знали английский.

– Над Пасификой облачности почти нет, – продолжал он
минутой спустя, – может быть я увижу родной Денвер...

– Увидишь, конечно, – заверил его Костя, который был
рад, что его не совсем удачная шутка забыта. – По прогнозу
там сегодня солнечно. Как думаешь: тучи ради праздника у
вас тоже разгоняют, – все же не удержался он от колкости, –

или только у нас в Москве?

– Вряд ли, – совершенно серьезно ответил Джеральд, не распознав подвоха, – это очень дорого... Налогоплательщики будут очень недовольны.

Валежников открыл, было, рот, чтобы продолжить, но так и остался с разинутым.

– Ты видишь то же, что и я?.. – наконец смог он выдать из себя, не в силах оторвать взгляда от медленно проплывающей под ними поверхности планеты.

Ларкинс, вместо ответа, ощупью нашел локоть, обтянутый темно-синим эластиком и крепко сжал его...

– Чего замолчали? – встревоженный затянувшейся паузой, Старицкий оставил, наконец, свой электронный хлам и присоединился к своим окаменевшим товарищам. – Салют что ли увидели?..

В следующий момент он тоже превратился в соляной столб...

И было с чего.

Вместо громады Североамериканского материка, обычно видимого лишь частично, внизу расстилалось что-то невообразимое: верхнюю часть иллюминатора занимала отлично узнаваемая южная оконечность Аляски с протянувшейся за его край грядой Алеутских островов, которой здесь по определению не могло быть – виток пролегал значительно юго-восточнее, но главным было даже не это...

Сразу под архипелагом Александра торчал какой-то уз-

кий полуостров, смахивающий на аппендикс, а вместо Северо-Западной Канады на глади океана раскинулся архипелаг крупных заснеженных островов с изрезанной береговой линией, прикрытый с севера облачностью. За «аппендиксом» промелькнул неширокий бурый перешеек треугольных очертаний, обширный подковообразный залив и снова засинело море.

– My God! What happened with the United States?..² – прохрипел астронавт, не замечая, что крепко, до синяка сжимает руку страдальчески сморщившегося от боли Кости. – Accident?..³

Туманный архипелаг сменился проливом, прикрытым реденькой облачностью и в поле зрения белоснежным китом вполз огромный перекошенный треугольник хорошо знакомых очертаний.

– Это же... Это же Гренландия!.. Где Канада? Где США?!..

² Божемой! Что случилось с Соединенными Штатами?.. (англ.)

³ Катастрофа (англ.)

Пролог

*Ранчо Лас-Пальмас близ Санта-Фе, штат Нью-Мексико.
13 февраля 200... года, время с половиной годами раньше*

– Бог в помощь, мистер!

Толстый Ларри Уокинг, местный шериф, с трудом выка- тил свой огромный мягкий живот из-за руля «Шевроле», протер рукавом нагрудную звезду и небрежно прикоснулся пальцем к полям широкополой шляпы.

Высокий, загорелый до черноты, худощавый мужчина в ярко-оранжевой куртке (утро в пустыне выдалось более, чем свежим), накинутой поверх выгоревшего добела джинсового костюма, явно не обрадованный неожиданной помехой, да- же не пошевелился, чтобы ответить на приветствие, продол- жая опираться на черенок лопаты, на три четверти штыка вогнанной в сухую, прихваченную утренником, красноватую почву..

– Годфри... э-э-э... – шериф сверился с мятой странич- кой в выдавшей виды записной книжке, больше смахиваю- щей своим размером и толщиной на бухгалтерский гроссбух или телефонный справочник. – Штурмфогель?

Владелец ранчо продолжал безмолвствовать, исподлобья разглядывая незваного гостя без особенной симпатии во взо- ре.

Уокинг, переваливаясь, словно гусь, с ноги на ногу и отдуваясь, подковылял поближе и остановился в ярде от забора, сверкающего рядами новенькой колючей проволоки-ленты: черт его знает, этого нелюдимого пришельца – вполне мог и ток по ограде пустить... Хотя... Изоляторов вроде бы не видать, а опоры металлические, ржавые... И все равно – береженного Бог бережет.

Шериф сделал еще один крошечный шагок, даже не так – просто подался вперед, но серо-оранжевый манекен, наконец, ожил.

– Вы нарушаете границы частного владения! – каркнул он высоким надтреснутым голосом.

До «границы» оставалось еще прилично, но Ларри послушно шагнул назад, тяжело колыхнув телесами, не вполне вмещающимися в куртку.

– Так будет нормально?

– Нормально будет вон там, – длинный узловатый палец с давно нестриженным ногтем указал куда-то в сторону далекого горизонта, – причем, чем дальше, тем лучше.

– Даже так? – шериф озадаченно почесал буро-малиновый нос, впрочем, не слишком отличающийся по цвету от остальной поверхности обширного лица, напоминающего больше марсианскую поверхность, изрытую кратерами оспин и каналами морщин.

– Я ведь просто так, – сделал он еще одну попытку установить контакт, – познакомиться приехал, узнать, не нужно ли

чего... Вы же, все-таки, новичок в наших краях. Не так ли?..

– С чего вы взяли?

Интересно, а можно ли выглядеть еще неприветливее или это уже предел возможного?

– Да так... Приехали пару месяцев назад, а в городе почти не бываете...

– Где?

– В городе...

– Вы называете вашу дыру городом?

– Ну... – смешался шериф, где-то глубоко в душе согласный с «пришельцем», но потакать ему, как любой патриот, не собиравшийся. – Зря вы так... Город, как город. Бывают и хуже...

Вместо ответа мужчина с гордой фамилией Штурмфогель⁴ только хмыкнул. Разговор явно не клеился.

– А чем вы, собственно, здесь занимаетесь? – поняв, что на душевность пустынного отшельника не проймешь, Ларри решил взять официальный тон.

– Научные изыскания... – нехотя буркнул «отшельник», не сводя с шерифа настороженных глаз.

– Нефть ищите... – утвердительно покивал головой шериф. – А разрешение от властей штата имеется?

Мужчина снова нехотя разлепил тонкие губы:

– Нет... Я не геолог, а наоборот... Астроном. Хочу оборудовать здесь небольшую обсерваторию.

⁴ Sturmvogel (нем.) – альбатрос.

– Луну разглядывать?

– Скорее звезды...

– Тоже дело. А труба ваша... Телескоп, – поправился шериф, блеснув эрудицией, – извините, где?

– Еще распаковать не успел, – тот же узловатый палец указал на высокий штабель длинных ящичков, небрежно прикрытый уже успевшим выгореть на солнце брезентом, – пока обживался, знаете...

– А взглянуть поближе нельзя? – Уокинг снова сделал шаг вперед.

– А ордер на обыск у вас есть? – сразу ошетинился Штурмфогель. – Если вы попытаетесь нарушить границы моего владения, я вынужден буду применить оружие, – энергичный кивок в сторону прислоненного к ящикам «винчестера». – Закон на моей стороне!

– Ну это вы напрасно, – опять отступил шериф. – Я же просто так хотел посмотреть... Никогда в жизни не видел телескопа...

– Ничего особенного, – остывая, пожал плечами астроном. – Обычная подзорная труба. Только большая.

– Да я и трубы-то... Ну ладно. Не хотите показывать...

– Пока не хочу. А вот когда соберу – приезжайте.

– Ловлю на слове, – Ларри отступил еще на шаг. – Приеду. Если позовете, конечно...

– Естественно! – в первый раз за весь разговор ощерил в улыбке длинные лошадиные зубы Штурмфогель. – Гаранти-

рую вам массу незабываемых впечатлений.

– Заранее благодарен, – шериф сделал еще шаг по направлению к автомобилю. – Значит просьб и претензий у вас нет?..

– Абсолютно.

– Тогда, если чего, звоните...

– Конечно.

– Ну... До свидания?

– Прощайте.

Астроном отвернулся и, уже не обращая никакого внимания на шерифа, вновь взялся за свои земляные работы.

Уокинг несколько обиженно пожал плечами и, втиснув пузо в пространство между рулем и сиденьем, мстительно хлопнул дверью, будто выстрелил. От этого звука с засохшего деревца неподалеку лениво поднялась в воздух какая-то птица, вроде бы стервятник, и, сделав небольшой круг, снова уселась на насиженное место.

Натужно ревя двигателем, «Шевроле» преодолел неширокое песчаное пространство, отделяющее его от автострады (дернула же нелегкая съехать с асфальта на этот зыбун!) и, слегка виляя, покотил прочь от одинокого ранчо, провожаемый недобрый взглядом его хозяина.

– Да ничего подозрительного, – недовольно говорил Ларри в этот момент кому-то по телефону. – Обычный «яйцеголовый»⁵... Обсерваторию, вишь, решил открыть. Звезды,

⁵ «Яйцеголовыми» американцы презрительно называют ученых.

говорит, разглядывать буду... Обещал пригласить, когда все оборудует...

– Ладно, – отвечал неведомый собеседник, – только не выпускайте его из виду и держите меня в курсе...

Когда автомобиль скрылся за горизонтом, астроном решительно вогнал лопату в землю и, сделав кому-то невидимому знак, направился к стоящему поодаль от жилого помещения длинному сараю без окон.

Внутри он откинул брезент со стоящего наклонно к поверхности пола, словно и впрямь телескоп, цилиндрического предмета и любовно похлопал жесткой мозолистой ладонью по холодной металлической обшивке, отозвавшейся едва заметной вибрацией.

– Гарантирую вам массу незабываемых впечатлений... – еще раз пробормотал он.

На полированной темно-серой поверхности толстого цилиндра чернели жирные рубленые литеры: «US NAVY⁶»...

* * *

*Чикаго, штат Иллинойс, небоскреб Сиэрс-Тауэр
16 апреля 200... года, два месяца спустя*

Слава Богу, что наконец-то закончилась эта хмарь и про-

⁶ «Флот Соединенных Штатов» (англ.) – обозначение Военно-Морских Сил США.

глянуло солнце... Обрыдла уже эта слякоть и морось. «Посетите наш солнечный Чикаго – город пляжей и парков!» и белозубая ряшка Дэррила Хоупера, скалящаяся на всякого, читающего эту белиберду. А если уж ветерок с Мичигана... Слава Богу, хоть солнышко выглянуло. Но это, похоже, уже повторение...

Майкл Воронофф (во времена оные Михаил Дмитриевич Воронов, без всяких там двойных «Ф» на конце) еще разок взглянул на панораму залитого утренним солнцем города, отмытого ночным дождиком и сияющего, новенькой игрушкой из супермаркета, и отошел от огромного, во всю стену окна. Красота красотой, а работа работой. Как там говорили в Союзе? «Работа не волк...» Нет, это, кажется, не совсем в тему...

Мишу Воронова привезли в Штаты в восьмилетнем возрасте, поэтому в тонкостях русского фольклора он разбирался довольно слабо. Да и вообще, кто в Одессе, особенно из тех, кто спал и видел очутиться где-нибудь – хоть в Израиле, хоть в Непале, но только подальше от ненаглядной родины, хорошо разбирался в русском фольклоре, ненавидимом всеми порами души? Это здесь все они льют крокодильи слезы по ненаглядной России (по России, а не по Союзу Советских, не к ночи будь помянут), да распинаются на каждом шагу о мучающей день и ночь ностальгии... Майкл, как раз, тоски по родине не испытывал. По чему, скажите на милость, там тосковать? По соседям из гигантской и густонаселенной ком-

мунальной квартиры, ведущим вечные позиционные войны из-за места на кухне и выключения света в «местах общего пользования»? По крикливым грубым воспитательницам и золотушным «сокамерникам» из детского сада на улице Карла Либкнехта, которую сейчас, говорят, опять переименовали в Греческую? По восемнадцатой средней школе, где даже в почти стопроцентно еврейском классе (вероятно, из-за не совсем еврейской фамилии), толстого и безответного Мишу дразнили «жидёнком»?.. Вот просто так, туристом, посетить бывший Союз, о котором старенькие родители до сих пор шипят сквозь зубы, радуясь каждой неприятности, постигающей то, что от него осталось, мистер Воронофф не отказался бы. Поглядеть на ту землю, где появился на свет, потрогать своими руками, проверить, правду ли говорили о ней «предки»...

О! «Сделал дело – гуляй смело». Вот это подходит больше, хотя гулять еще очень и очень рано...

Удобное эргономическое кресло удовлетворенно хрюкнуло, принимая в себя литой организм Майкла (именно литой, а не толстый: даром что ли ежемесячно тратятся сотни долларов на тренажерный зал и массажный кабинет?), а пальцы привычно нащупали клавиатуру...

Солнце давно переместилось на противоположную сторону небоскреба и ни одного лучика уже не попадало в окно небольшого офиса на восемьдесят шестом этаже. Близилось обеденное время, но мистер Воронофф все никак не

мог оторваться от монитора. Секретарша Мэри Ладдок – милостивая, разве что чуть полноватая крашенная блондинка двадцати восьми лет от роду с умопомрачительно длинными ногами (Бог с вами, господа: никакого сексуального домогательства – одни лишь дружеские чувства) – уже несколько раз заглядывала к шефу, выразительно вздергивая искусно выщипанные бровки и морща прелестный носик.

Пора и честь знать – О! Еще одна русская фраза – еще четверть часа и придется обедать в одиночестве, а Мэри дня два-три будет дуться, как крыса на крупу... Нет, все-таки, не крыса, а мышь. Все!

Решительным движением утопив клавишу «Слип» с миниатюрным полумесяцем (почему сон все время ассоциируется с луной? Она ведь только мешает спать), Майкл откинулся на спинку снова хрюкнувшего кресла и закинул руки за голову:

– Мэ-э-эри! Вы еще не ушли, дорогая?

Кудрявая головка снова просунулась в дверь.

– Почти ушла, мистер Воронофф! – негодованию секретарши не было предела. – Еще секунду и вам пришлось бы меня догонять!

– Знали бы вы, как мне нравится вас догонять, моя милая...

Он не слукавил ни на «йоту»: поглядеть сзади на Мэри Ладдок в движении было сущим удовольствием для любого существа мужского пола от семи до семидесяти включитель-

но.

– Правда? – девушка заметно смягчилась и появилась в кабинете во всей красе: во все свои баскетбольные шесть футов и четыре дюйма роста, к тому же, почти на три фута (снизу) затянутые в прозрачный нейлон...

– Уф-ф!.. – не смог сдержать восторженного восклицания менеджер.

Как всегда, при виде выдающейся во всех отношениях мисс Ладдок, ему показалось, что Земля слегка покачнулась под его ногами. Правда, при чем здесь Земля – под ногами три с половиной стони футов стальных и железобетонных конструкций?..

Стоп! Она действительно покачнулась! Вот, и Мэри, побледнев, намертво вцепилась, совсем не думая об ухоженных ногтях, в дверной косяк. Неужели...

– Мэри!..

Словно подтверждая недодуманную догадку, по всему зданию, сверху донизу, залаяли, завыли, заревели сирены, а над дверью кроваво-красной кляксой замигал «аларм-сигнал», установленный после памятного сентября.⁷

– Майкл!..

Впервые, вроде бы, она назвала шефа по имени...

Майкл уже торопливо выбирался из кресла, казалось, не желающего отпускать хозяина из своих объятий. Пол про-

⁷ Имеется в виду 11 сентября 2001 года – террористическая атака на Нью-Йорк и Вашингтон.

должал дрожать противной мелкой дрожью, навевая воспоминания о эпизодической и полузабытой уже работе бетонщиком в достославные теперь с высоты без малого пятидесятилетия юношеские годы. Точно так же, заставляя колыхаться на высоких эластичных подошвах специальных ботинок, дребезжал вибростол с установленной на него опалубкой...

Приоткрыв на мгновение зажмуренные от ужаса глаза и увидев своего ненаглядного патрона утвердившимся на ногах, Мэри тут же оставила свою ненадежную опору и, не переставая визжать на ультразвуковой высоте, обвилась вокруг него всем телом. В другое время это было бы верхом его сексуальных мечтаний, но теперь...

– Успокойся... – тщетно пытался оторвать от себя ее руки Майкл, бочком продвигаясь к выходу. – Успокойся, Мэри... Нам нужно выйти в коридор... Там спасатели... Нам помогут...

Порой девушка приходила в себя и начинала осмысленно передвигать ногами, но тут же, после очередного вопля сирены, терялась и беспомощно повисала всем своим упоительным телом, сковывая движения своего «буксира». Майкл плохо помнил фольклор своей далекой родины, но теперь в памяти всплывало сразу очень много слов...

Когда до двери оставалось всего два шага, она распахнулась и в проеме возник некто в оранжевой каске и таком же жилете.

– Спасатели, Мэри!

Чернокожий спасатель ободряюще улыбнулся и открыл рот, чтобы что-то сказать...

Здание вздрогнуло еще раз, заметно чувствительнее, и желудок Майкла внезапно подкатился к горлу...

Остановившиеся глаза безучастно следили за плывущим все быстрее и быстрее пейзажем за окном...

«Похоже, не удастся тебе, Миша, побывать на родине...
Господи Боже...»

Бог, должно быть, услышал мольбу своих заблудших чад, потому что большой осколок толстого полудюймового стекла, неслышно лопнувшего в перекошенной раме, словно нож гильотины милосердно оборвал жизни слившихся в единое целое бывшего эмигранта и стопроцентной американки, избавив их от мучений...

Увы, он был не столь милосерден к остальным обитателям Сиэрс-Тауэра, подрубленного двумя ювелирно-точными взрывами на высоте двадцатого этажа и разом похоронившего под своими обломками тысячи грешников и праведников...

* * *

*Денвер, штат Колорадо, секретный подземный бункер
правительства США*

20 апреля 200... года, четыре дня спустя

– Таким образом можно сделать заключение, что, если бы крылатые ракеты, вместо обычного, несли ядерный заряд, жертвы исчислялись бы не тысячами, а десятками и сотнями тысяч...

Президент с силой потер ладонью лоб, будто пытаясь стереть кошмар, мучивший его последние трое суток. Поспать за эти дни удавалось всего несколько часов, да и то, благодаря хитрым средствам дока Морено. Они же не давали мозгу впасть в ступор при мысли о чудовищности катастрофы, только что пережитой Америкой.

Нужно что-то сказать... Главное сейчас – не молчать...

– Вы говорите: сотни тысяч?

Вместо читающего доклад Гарри Честерфилда в темном углу шевельнулся Аарон Голдблум, советник по национальной безопасности.

– Самые скромные расчеты, при условии, что мощность каждого заряда не превысила бы десяти килотонн – согласитесь, более, чем скромно – дают от четырехсот пятидесяти тысяч до полутора – двух миллионов. И это только в Чикаго и Лос-Анджелесе. Если считать Детройт и Вашингтон, до которых «Томогавки» не долетели...

– Не долетели и слава Богу, – желчно ответил Президент, снова прикрывая глаза ладонью от света, казалось, бьющего точно в зрачки июльским солнцем, хотя лампы были притушены, а в кабинете царил полумрак.

– Но, если...

– К черту «если»! – взорвался Президент. – Зачем гадать на кофейной гуще, что было бы если!.. И так погибло без малого десять тысяч граждан Соединенных Штатов, а искалечено, лишилось имущества и крова почти тридцать пять! Вам этого мало?! Скажите лучше, что сделать, чтобы подобного не повторялось никогда! Никогда, слышите?!..

Как и всегда в последние дни, минутная вспышка сожгла остаток сил и первый человек США снова надолго замолчал.

– Система противоракетной обороны, над которой сейчас работают наши специалисты, позволит надежно прикрыть большинство крупных городов США...

– Пятьдесят процентов, – послышался чей-то ядовитый голос и оратор живо повернулся в сторону говорившего.

– Не пятьдесят, а, по последним расчетам, шестьдесят два...

– А жителям остальных тридцати восьми? Зарываться в землю, словно кротам? К тому же, вы говорите лишь о крупных городах, – невысокий плотный и лысоватый мужчина в сером костюме произнес предпоследнее слово так, будто выделил его жирным шрифтом, да еще и подчеркнул размашисто красным маркером. – А как же не очень большие? Маленькие? Им вы предлагаете уповать лишь на Господа?

– Но ни одна система ПРО в мире, даже самая совершенная, не сможет закрыть все воздушное пространство страны! Даже Советы, в свое время, прикрывали своей ПРО только Москву. А ведь у них тогда не было проблем с финансиро-

ванием...

Перепалка набирала обороты. Спорщики, казалось, забыли о Президенте, который еще больше скорчился за своим столом, пребывая в состоянии, близком к протрации. Но одна, едва слышная на общем фоне, реплика, заставила его встрепенуться.

– Повторите! – потребовал он, близоруко шурясь куда-то вглубь затемненного помещения, откуда, как ему почудилось, прозвучал ответ на беспокоивший его все эти дни вопрос. – Повторите, что вы сейчас сказали!

– Простите, сэр?.. – только что многословно объяснявший сразу двум оппонентам, почему он лично считает проблему неразрешимой, госсекретарь оборвал свою гневную тираду на полуслове и обратился в вопросительный знак, но тут же спохватился: растерянность в любых видах здесь не одобрялась. – Я думаю...

– Мне плевать, что вы думаете и думаете ли вообще! – вскипел Президент. – Я прошу повторить свои слова того, кто прячется вон в том углу...

Увы, ни гоблин, ни инопланетный пришелец в тени, на которую указывал палец повелителя сверхдержавы, не скрывался, а вместо них перед частью удивленными, частью завистливыми, но, без исключения, неодобрительными, взглядами собравшихся явился щуплый и лысоватый, действительно яйцеголовый субъект, мышиною мастью одежды и длинным влажным носом, отчасти, смахивающий на мелко-

го грызуна вроде полёвки.

– Джим Козловски, эксперт по оборонным исследованиям, – поблескивая стеклами мощных очков, несколько гнусаво, представился человек-землеройка, то и дело шмыгая своим выдающимся органом обоняния (впрочем, как знать, возможно и осязания). – Простите, это у меня аллергический...

Конец фразы был заглушен трубным звуком, который больше подошел бы какому-нибудь представителю благородных оленей, зовущему соперника на бой, томясь весенней порой от вожделения, а вовсе не страдающему насморком щуплому «научнику».

– Что вы хотели услышать, сэр? – обратился эксперт к Президенту, когда огромный клетчатый платок исчез в недрах одежды.

– Вашу последнюю фразу, – брюзгливо пояснил глава государства, терпеливо переживавший оправление естественных потребностей организма Козловски, – ту, которую вы вставили после слов генерала...

– Ах, да... – эксперт приосанился, настраиваясь на длительную лекцию: Президент припомнил, что он и был профессором университета в Кливленде. – Если мне позволено будет сделать отступление...

– Короче.

– Вероятно, вы знаете...

– Еще короче.

– Способ обезопасить страну от любых посягательств извне есть.

* * *

*Местечко Верошуа, штат Северная Дакота
5 декабря 200... года, еще семь месяцев спустя*

Здесь, в нескольких десятках миль от канадской границы зима была совсем не той, что в Нью-Йорке или Вашингтоне, а настоящей...

– И до каких пор вы намерены углублять эту воронку?

Рев землеройных механизмов и свирепый декабрьский ветер, гудящий в кронах высоченных сосен заглушали почти все посторонние звуки, поэтому приходилось кричать, чтобы быть услышанным собеседником, стоящим в двух шагах.

– Объект должен располагаться на достаточной глубине, – развел руками могучий чиновник, в такой же, как и у Президента оранжевой каске, судя по манере держаться, бывший (или настоящий) военный, – чтобы с гарантией быть защищенным от любых внешних воздействий...

– От любых? – проорал высокопоставленный ревизор в красное от холода мясистое ухо.

– Да! – раздалось в ответ. – Вплоть до ядерного взрыва и прямого попадания метеорита...

Карьер, действительно напоминающий воронку с очень

крутыми, почти отвесными склонами, уходил далеко вглубь поросшего лесом склона холма. Метрах в десяти от кромки начинались кроваво-красные пласты гранита, поэтому углубление очень напоминало отверстую рану.

Вынутый из раскопа грунт тут же аккуратно перегружался в мощные самосвалы, отсюда, с многометровой высоты казавшиеся муравьями, снующими у разрытого каким-то великаном гигантского муравейника. Люди же на их фоне вообще терялись. Титанический муравейник уже пожравший миллиарды долларов и не собирающийся хотя бы немного приглушить свой зверский аппетит... А ведь это всего-навсего начальный этап стройки.

– Замечательно! – буркнул Президент. – Слава Всевышнему, хоть результаты зрелищные, а то налогоплательщики были бы совсем недовольны... Какие работы кроме землеройных ведутся в настоящее время?

Прораб тут же с готовностью увлек главу государства от края смотровой площадки к ноутбуку, установленному на раскладном столике.

– ...Вот здесь, собственно, будет расположен центральный пост, а вот здесь, – пластиковая указка (действительно, не показывать же Президенту и его свите пальцем) изящно очертила систему концентрических окружностей, напоминающую ловчую сеть паука, – уже начаты работы по прокладке кольцевых волноводов... Жилые помещения обойдутся лишь в символическую сумму, так как под них задействова-

ны штольни бывшего командного пункта управления пусками баллистических ракет, стройка которого была заморожена пятнадцать лет назад... Э-э-э... Когда, из-за разрядки и сокращения вооружений он был признан не удовлетворяющим задачам момента.

– Значит русские сэкономили нам миллиардика полтора, а?! – с усмешкой обратился Президент к своей свите.

– Один миллиард триста восемьдесят два миллиона шестьсот семьдесят две тысячи девятьсот одиннадцать долларов шестьдесят девять центов, – подтвердил прораб, сверившись со шпаргалкой, извлеченной с ловкостью карточного шулера из рукава и тут же молниеносно исчезнувшей.

– Шестьдесят девять центов, – снова улыбнулся глава государства, – можете, в качестве премии, переслать в Москву – не зря же они старались!..

Вся команда, изрядно продрогшая на непривычном морозце, несмотря на обилие напяленных на себя одежек, с готовностью захихикала: шутки Президента США обязаны быть неотразимыми.

– Если бы этими центами можно было обойтись... – оборвал смех Президент, снова поворачиваясь к монитору компьютера.

Ветер продолжал завывать над циклопической стройкой, словно демон разрушения, обрадованный небывалыми жертвами в его честь...

* * *

Гарвардский университет, штат Массачусетс

2 июля 200... года, за два дня до...

– Профессор, – маленький, лысый как колено человек с длинным подвижным носом носился взад-вперед по кабинету, проделав уже вероятно добрую половину окружности земного шара по экватору, – я снова и снова спрашиваю вас совершенно определенно, но вы умудряетесь оставить все мои прямые вопросы без ответа...

Хозяин кабинета, которого называли профессором, но никак под это определение не подходящий – долговязый красавец латиноамериканского типа, настоящий «мачо», к тому же, на вид, не старше тридцати пяти – сорока лет – задумчиво следил за проплывающими перед ним по экрану монитора строками какого-то текста и, казалось, совершенно не слушал кипящего от негодования «крысоида». Только когда тот вознамерился вывернуть из консоли монитор, чтобы хоть этим привлечь к себе внимание, «мачо» лениво, но непреклонно отстранил слабые и тощие ледяные лапки и повернулся к вопрошающему:

– Это свидетельствует только об одном, мистер Козловски, – невозмутимо ответствовал он исходящему возмущением «носатику», – вы просто-напросто не задали мне ни од-

ного вопроса на который я мог бы ответить с удовлетворяющей вас...

– Ах, оставьте свои академические замашки, Дженнингс! – взвыл, хватаясь за голову, Козловский, снова бросаясь продолжать свое бесконечное путешествие. – Мы с вами не в университетской аудитории, а я – не ваш студент...

Профессор Деннингс с интересом следил за его хаотичными перемещениями, временами что-то черкая механическим карандашом в огромном блокноте: не то вычислял вероятное положение собеседника в пространстве в следующий момент времени, не то пытался описать его траекторию графически.

– Между прочим, сэр, – заметил он, почесывая кончик своего носа – неожиданно для его общего облика, короткого и несколько толстого – истинно ирландского, – не вы мой студент, а я... К сожалению, в прошлом...

– К сожалению? – взвыл «крысоид», резко огибая по сложной кривой стоящее на пути кресло и замирая перед собеседником, уперев руки в боки. – Да это я сожалею, что когда-то учил вас, сопливого теоретика, азам...

– Да-а? – удивился «сопливый теоретик», что-то критически поправляя в своих расчетах. – А я как раз совсем не сожалею об этом...

Эксперт по оборонным исследованиям некоторое время сопел, сверля своего бывшего ученика взглядом, а потом зловецким тоном заявил:

– Значит, я не могу правильно поставить вопрос?.. Так я его поставлю!..

Козловски так решительно сунул правую руку за отворот мышистого пиджака, что стороннему наблюдателю, окажись он в кабинете, непременно показалось бы, что теперь на сцене непременно появится оружие. Увы, вместо пистолета или кинжала, эксперт выдернул из-за пазухи обширный клетчатый платок и трубно прочистил свой монументальный нос.

– Имеете ли вы стопроцентную уверенность в том, что эксперимент в присутствии Президента окажется успешным?

Ученый, с приоткрытым ртом ожидавший «прямого вопроса» и в очередной раз убедившийся в совершенной неспособности учителя их задавать, сокрушенно вздохнул.

– Могу сказать вам только одно, сэр, – он что-то аккуратно подправил в блокноте, видимо, ставя последний штрих, – в математических моделях и лабораторных опытах все выглядит безукоризненно... Сфера непроницаема извне и вполне устойчива... Как же все это будет выглядеть в реальности знает только сам Господь Бог, да и то, я в этом уверен лишь на семьдесят пять процентов...

Дженнингс еще любовался своим творением и сунул раскрытый блокнот под нос ошеломленному Козловски.

На плотном листе хорошей белой бумаги был довольно похоже изображен сам эксперт по оборонным исследованиям с сияющим нимбом вокруг головы, сморкающийся в

звездно-полосатый носовой платок, весьма смахивающий на флаг США...

* * *

*Местечко Верошуа, штат Северная Дакота, Центр
Управления*

4 июля 200... года, за тридцать минут до...

Свежеотделанный Центр Управления Установкой, у которой пока еще не было собственного названия (кроме длинно-го буквенно-цифрового условного кода), детища доброй пары десятков научно-исследовательских институтов, университетов и сотен компаний самого различного профиля (зачастую не подозревающих, куда именно идет их продукция) занятых в проекте «Гудини» блистал почти стерильной чистотой.

Зал, огромный и пустой, если не считать нескольких длинных пультов вдоль стен, поглотил многочисленную шумную толпу военных и гражданских лиц, сопровождающих Президента в его последнем, инспекторском обходе Центра перед историческим запуском Установки, словно огромный кит стайку крохотных рыбешек. Акустика его была такова, что звуки гасили сами себя и, спустя пару минут почти все из присутствующих, только что оживленно беседовавшие на самые различные темы (перед обходом имел место небольшой

фуршет, так как до банкета, призванного отметить успех – а в нем были уверены все без исключения – оставалось еще немало времени) замолчали один за другим, нервно озираясь. Продолжал косноязычно витийствовать один из многозвездных генералов, явно переусердствовавший в прохладительном, но и он вскоре стих.

Молчание затягивалось и Президент, вздохнув, решил взять инициативу на себя.

– Так это и есть та самая штука, на которую я затребовал у Конгресса столько миллиардов?

Высокий брюнет, к которому был обращен вопрос ответил не сразу. Он сперва с самым оскорбительным видом смерил Президента с головы до ног, а уж затем ответил, безразлично глядя в потолок:

– «Штука», как вы ее изволили назвать, находится в трех с лишним сотнях футов под нашими ногами, а здесь всего лишь пульт управления.

Мистер Козловски, конечно же присутствующий здесь, понял, что назревает конфликт и суетливо продрался сквозь толпу.

– Господин Президент, прошу вас, давайте подойдем поближе...

Блестящий, моргающий десятками разноцветных лампочек пульт выглядел совсем как игрушка и эксперт с облегчением понял, что раздражение охватившее Президента при, переходящем все пределы нахальства, ответе создателя

Установки, понемногу отстывает.

– Как же все это работает? – поинтересовался «ревизор», с восхищением следя за прихотливым мерцанием цветных огоньков и завораживающим танцем кривых на мониторах.

Козловски поздравил себя с тем, что настоял на создании такого вот «чуда техники», беззастенчиво «содранном» с голливудских прототипов из космических фильмов «славных семидесятых», до которых Президент, по слухам, был большим охотником еще с тинейджерских времен. Девять десятых всего этого великолепия являлось совершеннейшей бутафорией, а функциональную нагрузку вообще нес только десяток приборов и кнопок, причем, самых невзрачных.

– Я бы мог объяснить вам это довольно подробно...

– Нет-нет! – Президент, словно защищаясь, поднял обе ладони. – Все равно я ничего не пойму... Я хотел сказать: достаточно и того, что наши ученые светила все понимают.

– Наверное, чтобы привести весь этот... Все это... – Президент замялся, запутавшись, но с честью вышел из ситуации. – Всю эту штуку в действие, потребуется куча времени?

– Вовсе нет. Вся черновая работа уже проделана и вам остается нажать всего одну кнопку. Вот эту, – палец Козловски указал на огромную прямоугольную красную клавишу со светящейся надписью «PUSH». – Впоследствии, думается, можно будет смонтировать эту кнопку в вашем «ядерном» чемоданчике.

– А она там поместится? – Президент скептически оценил

взглядом устрашающие размеры «кнопки».

– Кнопку можно сделать любых размеров, – вмешался высокий блондин, которому смертельно надоело это представление, – при желании, даже поместить ее в ваши наручные часы.

– Вы серьезно?

– Совершенно точно.

– Тогда приступим, чего тянуть?

Свита Президента пришла в движение, занимая места, согласно своему положению и статусу, за спиной главного действующего лица, чтобы ни в коем случае не упустить наиболее выгодного для себя ракурса обзора и освободить некоторое место операторам телевидения с их громоздкой аппаратурой, призванной запечатлеть исторический момент для потомков.

Президент занес руку над клавишей и, озаряемый вспышками «блицев», снова повернулся к Козловски, справедливо полагая, что от настоящего творца установки ему внятных пояснений не добиться.

– Так вот просто нажать и все?

– И все.

– Тогда ладно.

– Господин Президент, – вмешался Госсекретарь, – скажите хотя бы пару слов для истории...

– Хорошо.

Президент приосанился перед телекамерами.

– Вот этим легким нажатием я, Президент Соединенных Штатов, в священный для нашей великой страны день, открываю новую эру. С этого момента все человечество вступает в Золотой Век абсолютной безопасности, о которой мечтало тысячелетиями. И миссия повести его за собой возложена Господом именно на Соединенные Штаты Америки!

Указательный палец с аккуратно подстриженным ногтем слегка коснулся матовой поверхности клавиши, замер на мгновение и плавно утопил ее...

1

Телефон взорвался негодующей трелью и Сергей, привычно чертыхнувшись про себя («Ш-ш-шит!», конечно же и никак иначе), кликнул на «Pause» и потянулся за трубкой.

– Сереж! – зашепелявил в древней мембране едва узнаваемый мамин голос. – Ты в городе уже был?

– Нет еще...

Уточнять, что встал сегодня часов в одиннадцать (до четырех утра «висел в чате») Сергей не стал.

– Когда пойдешь, купи обязательно молоко, белый хлеб, сахар...

Не перебивая матушкины «цэ-у» парень согласно кивал головой, двигая по столу мышкой. На мониторе всевозможные монстрики, монстры и настоящие монстрицы ежесекундно вываливались из незаметных ходов, падали с потолка, коварно заходили с тыла, имея перед собой одну цель: стереть с лица земли отважного героя, волевое лицо которого, то и дело искажаемое то злобными, то болезненными гримасами, виднелось в окошечке внизу экрана. Меняя орудия истребления нечисти с калейдоскопической быстротой, очередное компьютерное воплощение знаменитого Терминатора разносило противников в клочья из всех видов стрелкового оружия, сжигало их электрическими разрядами, аннигилировало пачками из какого-то супер-пупер-бластера или,

сладострастно ухмыляясь, пластало на части бензопилой. В особых случаях в ход шли нож, топор или шипастый каскет. Во взаимоотношениях с Врагом Человечества и его прихвостнями брезговать нельзя никакими средствами!

– Ш-ш-шит!

Особенно юркая тварь каким-то чудом умудрилась пробиться сквозь шквальный огонь и, на последнем издыхании, чувствительно зацепить стрелка длиннющей когтистой лапой, лишив сразу тридцати процентов здоровья. Хватило ее, правда, только на это, но теперь придется спешно искать артефакт и восстанавливаться.

– Сынок! – всполошилась мама, прервав свой умиротворяющий щебет. – Что там у тебя?

– Да так, мам... Программа глючит с утра.

– Да? Смотри, осторожнее там.

Мама замечательный человек, но настолько далека от компьютеров и всего, что с ними связано...

– Ты, вообще, чем занимаешься?

– Работаю, мам, работаю...

– Не перенапрягай глаза! Ночью Дора Семеновна прогуливала своего Барсика и видела, что в окне твоей комнаты горел свет. Разве можно столько работать? Подумай о своем здоровье...

Сергей, проклиная про себя вездесущую мамину подругу, служившую ей бесплатным осведомителем и недалекую настолько, чтобы назвать безродную дворнягу исконно ко-

шачьим именем, вполуха слушал мамины наставления, одновременно, вместе со своим героем, мечась по полутемным подземельям в поисках неуловимого артефакта. Где же он?

– ...близорукость, осложненная астигматизмом. И кроме того...

Ага! Здесь мы еще, кажется, не были... Пф-ф! Разве это охрана? Одной левой их – нечего зря патроны тратить. Вот и артефакт...

– ...или к примеру, гипертония...

Ну вот, порядок. Судя по всему, где-то здесь «Exit»... Вот он!

– ...нейрососудистая дистония. Я уже не говорю о таких неприятных вещах, как...

Ну что же поделаешь, если мама медицинский работник?... Это действительно выход! Ого! Как повалили-то... Будто китайцы на мешок с рисом, выставленный на бруствер, из того бородатого Лешкиного анекдота... Получи! Получи!.. Теперь огнемет...

– ...главное, не забудь макароны...

Похоже и здесь подходит к концу.

– Да, мама, уже выхожу.

Действительно, спятишь с этой «Furious depth». Ладно, все равно пора отдохнуть и проветриться...

Сергей захлопнул дверь и вприпрыжку сбежал по лестнице, размахивая пустым пластиковым пакетом с логотипом выставки «ЧЕЛМЕДЭКСПО». Сквозь дырочки почтового

ящика, вместе с двадцатью своими издававшими виды обшарпанными собратьями висевшего на площадке между первым и вторым этажом, виднелось что-то белое.

«Опять какая-нибудь реклама...»

Газеты небольшая семья Извековых не выписывала почти с середины девяностых, довольствуясь покупаемыми на лотке «Аргументами и Фактами» с программой телепередач, а писем все равно ждать было неоткуда...

Однако, под пальцем, просунутым в одно из трех круглых отверстий на металлической дверце, шуршало что-то увесистое, совсем не напоминающее рекламную листовку.

«Конверт какой-то... – озадаченно думал Сергей, безуспешно пытаясь разглядеть что-нибудь в узкой щели. – Может маме по работе? Или рекламная рассылка какая-нибудь... Вдруг диск халаявный с демонстрашками...»

Замочек на ящике, конечно, как говорится, был от честных людей, но греметь железом, рискуя заработать репутацию маньяка, с извращенными целями ворующего «Правду», «Красное знамя» и «Голос Родины» из ящика пенсионера Сундукова с четвертого этажа, совершенно не хотелось. Пришлось плестись обратно и полчаса искать в тумбочках, кухонном столе и секретере дубликат ключа от ящика, сохранившийся с тех самых достославных времен, когда мама выписывала для ненаглядного сыночки «Уральский следопыт», «Вокруг Света», еще чуть ли не десяток различных журналов подобной развлекательно-познавательной темати-

ки, а заодно и несколько специализированных медицинских изданий для себя. Зарплата участкового врача когда-то это позволяла.

Загадочный «объект» в ящике действительно оказался длинным плотным конвертом из белой бумаги, украшенным красным штампиком «PAR AVION» и непривычной маркой, зубчатой только с двух сторон. На радужном фоне марки была изображена голова некой, античного вида, представительной дамы и скромненько значилось «ITALIA»...

* * *

Сергей Дмитриевич Извеков был рожден в городе Челябинске 21 августа 1981 года юной тогда аспиранткой Челябинского Медицинского Института Таней Извековой, но второй его «родитель», кроме отчества, вполне, впрочем абстрактного, не оставил в жизни своего отпрыска ровно никакого следа. В остальном детство нашего героя ничем не отличалось от раннего периода жизни большинства людей, которым повезло появиться на свет на закате «развитого социализма», позднее названного «периодом застоя», чуть ли не на стыке эпох: «тоталитаризма» и «демократии».

Слава Всевышнему, первые плоды «новой общественной формации» в столице Южного Урала стали наблюдаться совсем не в тот день, когда в скромной двухкомнатной квартире по улице Цвиллинга шумно праздновался первый в Се-

режиной жизни юбилей, а в далекой столице торжественно несли по улицам огромный «триколор»...

Начало девяностых в подростковой памяти отложилось сплошной серой полосой безденежья, практически нищеты, особенно дико выглядевшей на фоне заполонивших улицы многоцветных реклам и сверкающих дорогих автомобилей, новых ярких игрушек и блестящих обложек книг, еще недавно редких, как бриллианты, а сейчас умопомрачительно дорогих... Вполне возможно, что, глядя на все это недоступное великолепие, подрастающий мальчик, подобно тысячам своих сверстников вскоре пополнил бы армию ларечников или, что даже более вероятно, еще более многочисленную – «фаворитов Луны», если бы в его жизни не появился новый друг...

Чтобы купить сыну подержанный компьютер – паршивенький по сегодняшним меркам «двести восемьдесят шестой» польской подвальной сборки с, мало чем отличающимся от «монохромного», EGA-монитором – маме пришлось влезть в астрономические долги. Конечно, занимала она у людей своих, интеллигентных до мозга костей, никаких «счетчиков включить» не способных по определению, но, все равно, после нескольких безуспешных попыток подкопить требуемую сумму в стремительно обесценивающихся рублях, махнула рукой на докторскую диссертацию, и так продвигающуюся «по чайной ложке», даже не «в час», а «в год» и пошла работать в районную поликлинику, куда ее дав-

но и безнадежно сманивал бывший сокурсник, уже достигший всех возможных в его профессии высот. Между ними даже, кажется, что-то было в далекие студенческие времена, тотчас понемногу начавшее возрождаться...

Все это, включая все потрясения последнего десятилетия двадцатого века, прошло мимо Сережи, постигавшего азы «Word'а», «Excel'я» и «PhotoShop'а», обраставшего, заодно, новыми друзьями: юношами, для которых слово «клава» означало вовсе не женское имя, девушками, не боящимися «мышек», а выражениями вроде «апгрейдиться», «сервак» или «драйвер для мамки» привычно вгонявшего в краску недостаточно «продвинутую» родительницу.

Словом, когда аттестат зрелости был благополучно (хотя и не без некоторого количества новых седых волос на маминной голове) получен и пришла пора продолжать образование, проблемы с выбором не стояло: конечно же МГУ или, в крайнем случае Бауманское! Но роковой август снова вмешался в Сережину жизнь и вместо столичного вуза ему пришлось приступить к перемалыванию гранита науки в тривиальном Челябинском «универе». Университет, конечно, выгодно отличался от, к примеру, Политеха или какого-нибудь «сельхоз-навоза», но проигрывал им в одном немаловажном отношении... Догадайтесь-ка с трех раз в каком? Вот-вот...

Татьяна Михайловна обожала сыночка без памяти, она готова была отдать за него всю жизнь, всю кровь до последней капли, но... Выросшая в патриархальной семье меди-

цинских работников в третьем поколении, она была искренне убеждена, что здоровый мужчина должен, просто обязан отдать свой долг Родине, какой бы она ни была. Сереженька, ее неусыпными трудами, вырос здоровым, насколько это было возможно в загазованной до предела и неблагоприятной в ряде других отношений индустриальной столице «опорного края державы», делать из него «липового больного» она отказалась наотрез, поэтому, вместе с дипломом об окончании ВУЗа он получил на руки некий бумажный прямоугольник с лиловыми печатями, предписывающий... Стоит ли упоминать, что в райвоенкомате призывник Извеков был признан абсолютно годным к строевой службе, несмотря на посильную помощь того самого Владимира Иосифовича, маминого друга и благодетеля, к которому рекрут обратился, плюнув на гордость и сыновнюю ревность, через мамину голову.

– Знаешь, Сережа... – разводил здоровенными мосластыми руками сутулый хирург Шлоссерман, виновато пряча глаза от пылающего справедливым гневом юноши, которого в своих мечтах рад бы был назвать сыном. – При всей своей...

Одним словом с лучшим своим другом – компьютером – Сергею на некоторое время пришлось распрощаться.

Нужно заметить, что крепкому и неглупому уральцу армия казалась страшным кошмаром только в поезде, уносившем его на Дальний Восток и в первые месяцы новой, непривычной жизни, а затем стала даже нравиться. Свежеиспеченный морской пехотинец Тихоокеанского Флота нахо-

дил ее немного похожей на некоторые компьютерные игры: тщательно изучи правила, придерживайся их неукоснительно, проявляй разумную инициативу, не слишком увлекайся процессом, и – выигрыш обеспечен. Выигрыш не выиграш, но мимо очередной горной компании, куда, по непредсказуемой логике, вместе с воздушными десантниками, пехотинцами, танкистами и прочей «сухопутной» братией, Родина щедро бросала «водоплавающих» своих защитников, его благополучно пронесло...

Домой Сергей Извеков возвратился еще более окрепшим, в ладно сидящей черной форме с «лычками» старшего сержанта на плечах и лихо сдвинутым на ухо беретом. Вряд ли любители помахать кулаками, и раньше не удостаивавшие его особенным вниманием (себе дороже), рискнули бы теперь приблизиться к нему ближе, чем на расстояние, позволявшее вежливо поинтересоваться «который час». Согласно всем канонам армейской лирики, навечно высеченной на ветхих страничках в клетку, «она его не дождалась»... «Она», это Верочка с истфака, выскочившая замуж не выдержав разлуки, а вовсе не старая верная «клава», так что горевал Сергей недолго, если вообще горевал, воспитанный на образчиках армейской народной мудрости вроде: «Не беги за девушкой, как за уходящим поездом. Помни, что за ним идет следующий!»

Сердечные раны Сергей залечивал успешно еще и потому, что за время его отсутствия коварному Владимиру Иосифо-

вичу все же удалось склонить маму, тоскующую в одиночестве, к необдуманному шагу и теперь двухкомнатная квартира по улице Цвиллинга оказалась в полном и безраздельном владении бравого «дембеля». Жизнь, одним словом, была прекрасна.

Компьютерная жизнь за то время, пока сержант Извеков разбивал сапогами плац, драил полы в казарме и расстреливал мишени, хотя и ушла далеко вперед, но не настолько, чтобы ее невозможно было догнать. С работой тоже повезло: интернетомания и волоконно-оптические сети делали занятие веб-дизайном «хлебным» не только в столице, но и на периферии, позволяя иметь свой кусок хлеба, кое-что на него и кое-что под него, не просиживая штаты в душном офисе, потея у станка или торгуя чем-нибудь неудобоваримым. Опять же верстка печатных изданий «по знакомству», что, в общем-то, гораздо дешевле, чем в «фирме»... И вообще...

Хотя главным, конечно, были игры. «Аркады» и «квесты», «стратегии» и «симуляторы»... Сергей со старым другом и однокашником Лешкой Мерзлиным, счастливо «откосившим» от армии (и за это слегка презираемым «бывалым служакой») руссифицировали их, «крякали» пароли, писали сценарии дополнительных миссий, да что греха таить – иногда баловались плагиатом, «мастряча» на каком-нибудь ходовом «движке» нечто свое. Словом: резвились в свое удовольствие. И, конечно, сами играли, и индивидуально, и по сети, состояли в числе уважаемых членов нескольких «гей-

мерских» (не путать с гейскими) клубов не только в России, но и «за бугром», даже создали в Челябинске свой «Game Portal», естественно, на чисто общественных началах. Лешка, кстати, трудился в одном из самых «крутых» банков «сисадмином», поэтому при скачивании «материала» проблем не было, хотя до банального и «тупого», как выражался Мерзлин, пиратства они, все же, старались не опускаться...

И вот теперь это письмо, где черным и разноцветным по белому (на цветном лазерном принтере, между прочим), на правильном русском языке, некая «WORLD GAME ASSOCIATION» приглашала «господина Извекоф» принять участие в мировом чемпионате по компьютерным играм, открывающимся во Флоренции 20 июня сего года.

Письмо, конечно, при известной доле здорового скептицизма, можно было посчитать чьей-то запоздалой первоапрельской шуткой (а что: на дворе май-месяц, а, учитывая, обстоятельную неторопливость нашей почты...), но оформленное по всем правилам на официальном бланке с водяными знаками и голограммой приглашение, к тому же заверенное в Министерстве Иностранных Дел, для розыгрыша было чересчур правдоподобным. Равно, как и вполне «всамделишная» пластиковая карта на имя «Sergey Izvekov», выпущенная неким «Banco di Sienna» в системе «Master Card»...

– И что? Карта пустая?

Лешка крутил в пальцах твердый прямоугольничек цветного пластика, то близоруко поднося его к самым глазам (вернее, к очкам с толстенькими стеклами), то, наоборот, отставляя его на расстояние вытянутой руки. Уже имели место попытки попробовать толстую скользкую пластинку «на зуб», то есть подковырнуть чем-нибудь острым с торца – не сработана ли кустарным способом – слава Богу, пресеченные хозяином в зародыше.

– А вот и нет!

Сергей торжествующе протянул другу распечатку банкомата, неопровержимо свидетельствующую, что на счету находится некая, вполне приличная, сумма в твердых евро.

– Они что – лохи, карточку с пин-кодом посылать?

Пришлось пояснить, что пин-кода в письме не было, но его предлагалось узнать, позвонив по указанному телефону или послав электронное письмо в адрес оргкомитета, что Сергей и сделал сразу же, по прочтении загадочного документа.

– Там, кстати, мои паспортные данные попросили сообщить.

– И?..

– Совпало! – в восторге хлопнул в ладоши Извеков. – Все

совпало и девушка...

– Молодая?

– Не знаю, но голос миленький. С таким, знаешь, приятным акцентом... Так вот, она мне продиктовала пин-код и я тут же помчался в «Уралпромбанк»...

– А что не в мой?

– А до твоего втрое дальше. Вставляю, значит, карту в банкомат, руки дрожат... Вдруг все же прикол чей-нибудь...

– И?..

– И все сошлось! Представляешь?!

– Круто.

Лешка вернул карту владельцу и уставился в окно, покусывая колпачок ручки.

– Круто-то круто, – заявил он после долгого размышления, за время которого Сергей успел выкурить сигарету, пару раз нервно обежать комнату по кругу и бесцельно переставить книгу с одной полки на другую. – А откуда они там, в Италии, – толстый Лешкин палец указал куда-то в пространство. – Знают твои паспортные данные? Ты что, где-то регистрировался?

– Да нет, вроде... – растерянно протянул Извеков, старательно пытаюсь вспомнить: имело ли это место на самом деле. – Хотя... Разве что давно, по началу, когда свои данные во все формы совал...

– Думаешь? Сомнительно как-то.

– Знаешь... Точно! Разок кликнул на баннер «Work in

Америка» и там требовалось форму заполнить очень подробную. Ну я и...

– Ты чего? – Лешка постучал согнутым пальцем себе по лбу. – Лох? Это же замануха чистая! Теперь твоя паспортна во всех базах засветилась! Теперь жди, что на твое имя какую-нибудь фирму одноразовую откроют. Если еще не открыли... Там скана паспорта не требовали?

– Нет вроде...

– «Вроде, вроде»! – передразнил Мерзлин. – У бабки в огороде! Вроде большенький уже, а все в детские сказки веришь. Это же ЦРУ информацию собирает. Сидишь тут, а подлые враги России там уже дубликат твоего «краснокожего» штампуют. Враг не дремлет!..

Изо всех сил сохраняющий серьезность Лешка, при виде вытянувшегося при этих словах Серегиного лица, не выдержал и «раскололся», от хохота едва не рухнув со стула на пол. Рухнул он секундой позже, получив увесистый тумак от друга, только сейчас понявшего, что гад Мерзлин «прикалывался» от души все последние пять минут, но падая, сумел сделать подсечку...

Возились на ковре, хохоча и весело матерясь, долго, пока, зацепив не смахнули с тумбочки хрустальную вазу, не преминувшую тут же брызнуть фейерверком радужных осколков.

– Мать тебя теперь убьет! – всерьез струхнул Лешка, глядя на разбитую вдребезги семейную реликвию. – Где ж мы

такого монстра теперь купим? Ей же лет двадцать.

– Двадцать четыре, – грустно уточнил Сергей, вертя в руках самый крупный осколок. – Маме на диплом бабушка подарила...

– Да-а... А! Разбилась, значит к счастью! – «погорелец» отшвырнул осколок и отряхнул ладони. – Летим мухой в гастроном: нужно же отметить удачу!

* * *

До отправления поезда «Челябинск – Москва» оставалось пять минут. Мама, то и дело вытирающая заплаканные глаза платочком, будто провожала сына вовсе не в недельную поездку в столицу – подать документы в посольство Италии для получения визы – а, минимум, в кругосветное путешествие, уже вышла на перрон, утешаемая и поддерживаемая верным Владимиром Иосифовичем, и в купе с Сергеем остался только Леха, тоже словно в воду опущенный.

– Леш, – толкнул его Сергей. – На ходу ведь придется прыгать. Чего ты?..

– Знаешь, – встрепенулся Мерзлин, будто проснувшись. – Я тебе хочу сказать...

В этот момент в купе заглянула проводница.

– Провожающих просим освободить вагоны, – дежурно буркнула она, бросая рыбий взгляд на двух парней. – Поезд отправляется.

Лешка тут же подхватился и ринулся на выход.

– Ты чего-то хотел сказать! – крикнул ему вслед Извеков, но тот только отмахнулся.

Когда поезд тронулся, Лешка еще долго шел наравне с окном Сергеева купе, постепенно ускоряя шаг, пока ему не пришлось перейти на бег и, мало-помалу, отстать...

2

Италия встретила Сергея безоблачным синим небом и ощущением неподдельной древности, сквозящим на каждом шагу.

Нет, за границей Извеков уже бывал, и не раз. И в Египте, и в Турции, и в Чехии, но в «настоящую за границу», то есть западноевропейскую страну, настоящую Мекку, всех бывших «совков» выбрался впервые.

Не оправдались опасения в том, что посольство будет ставить палки в колеса, задерживая визу или даже, как пугали провинциала бывалые люди, отказывая в ней без объявления причины. Все прошло, как по маслу: вежливая сотрудница посольства приняла его документы, любезно проверила их в присутствии соискателя, готового лопнуть от волнения, и сообщила, что «господин Извеков» может спокойно возвращаться домой – виза будет получена в течение недели. Так и случилось, но повторные проводы, уже в Италию, на этот раз прошли без Мерзлина – он тоже отправился в зарубежье, но только в ближнее, в Казахстан, в командировку по банковским делам.

Перелет в аэропорт Римини на Адриатическом побережье, автобусный переезд поперек итальянского «сапога» в древнюю Флоренцию, хлопоты с заселением в гостиницу, номер в которой был забронирован принимающей стороной за-

ранее... По-настоящему ощутить себя в чужой стране удалось лишь на следующий день.

Заполненный толпами туристов Старый Мост через реку Арно, Пьяцца делла Синьория с вечно соперничающими у дверей Галереи Уффици мраморным микеланджеловским Давидом и черным от времени бронзовым Персеем Бенвенутто Челлини, Пьяцца Дуомо...

Не замечая усталости Сергей бродил по стертым камням флорентийских мостовых весь день, то и дело щелкая кнопкой фотоаппарата, вслушиваясь в певучую итальянскую речь, прикасаясь тайком к святыням, которых, возможно, касались Данте, Леонардо да Винчи, Микеланджело...

Палаццо Борджиа, собор Санта-Крочче, Барджелло... Лишь рухнув на свежие простыни в своем номере он ощутил, как гудят натруженные ноги и усмехнулся, вспомнив о вычитанном в путеводителе «синдроме Стендаля», по преданию, повредившегося в рассудке после такой вот пешей прогулки по красивейшему из городов мира.

А наутро начался «геймерский» марафон...

* * *

– Нет, ты представляешь, – кричал Сергей в телефонную трубку, сидя за столиком кафе «Микеланджело» на углу улицы Санта-Мария. – Я выиграл!

– Серьезно? – отвечала трубка голосом Лешки, который,

казалось, сидел за соседним столиком а не в тысячах километрах отсюда. – Круто!

– Я – лучший «стреляльщик» Европы! Нет, ты не представляешь себе это, толстый очкарик!

Сергей был уже немного пьян. Да какой там «немного»! В стельку пьян. Точно так же, как и сидящие сейчас с ним за одним столом два парня и девушка.

– Классно! – далекий Лешка совсем не обиделся на «толстого очкарика». – А приз какой? Или так – диплом какой-нибудь – на стенку повесить?

– Какой там диплом! Хотя, диплом тоже дали... – Сергей зачем-то перешел на шепот, хотя никто из собутыльников русского языка не знал по определению: бельгиец, австриец и шведка. – Десять тонн! И не «зелени», а евро! Представляешь?!

– Во дают буржуины! – от души восхитился Мерзлин. – Смотри, на ту же карточку не клади!

– Да наликом дали! – отмахнулся Извеков, совсем не думая о том, что собеседник не видит его жестов по причине удаленности. – Я уже того... Ну, спрятал уже...

– В трусы что ли зашил? – хмыкнул Лешка.

– Почему сразу в трусы?.. Хотя... Я на булавку...

– Теперь береги, как зеницу ока...

– Булавку?

– Нет, ...! Вдруг расстегнется?..

Пьяненькая и веселая Магда, соотечественница незабвен-

ного Карлсона, который когда-то, еще до изобретения таких малоприятных напастей, как смог, кислотные дожди и радиоактивные осадки, жил на одной из Стокгольмских крыш, уже с минуту теребила Сергея за рукав, требуя внимания к своей персоне. Оказалось, что верховодившая за стойкой стройная миловидная брюнетка – не то официантка, не то владелица кафе – уже несколько минут на ломанном английском языке, перемешанном с итальянским в равных пропорциях, пытается выдворить изрядно загулявшую компанию за пределы артистического кафе. Причиной негостеприимства длинноволосой и не менее длинноногой итальянки оказались протесты со стороны аборигенов, видимо, завсегда таев, недовольных неумеренным употреблением спиртного различных видов в произвольных пропорциях. Не доставляли радости «артистам» и громогласные попытки установления международного контакта сразу на четырех, нет, на пяти (Извеков все время пытался перейти на русский) языках, не родственных между собой.

– Per favore, signore⁸... I ask to leave⁹... I regret...¹⁰

– Il conto, per favore!¹¹ – блеснул своими познаниями в итальянском Сергей под аплодисменты собравшихся.

Рассчитывался, естественно, он, как единственный в ком-

⁸ Пожалуйста, господа... (итал.)

⁹ Прошупокидать... (англ.)

¹⁰ Я сожалею... (англ.)

¹¹ Счет, пожалуйста! (итал.)

пании русский, конечно же, с широкой душой и, к тому же, призер. Собственно, именно его победу и «обмывали» в столь теплом коллективе. Правда, первоначально, желающих поздравить «этого русского» было раза в три больше, но, в конце концов, остались только самые стойкие.

– С’е... un buon ristorante... qui vicino?¹² – спросил он уже в дверях симпатичную брюнеточку, сменившую гнев на милость после того, как Сергей истинно по-русски отказался взять сдачу с купюры в пятьсот евро, да к тому же прибавил еще несколько цветных бумажек, небрежно бросив с широким ленинским жестом: «Манча!¹³»

Остальное он помнил довольно смутно.

Кажется, теряя по мере продвижения «бойцов» и остатки человеческого облика, компания посетила еще пару кафе, совершенно не отложившихся в памяти, пыталась станцевать уже втроем ирландскую жигу, смахивающую почему-то на сиртаки, на парапете какого-то фонтана, имела приятное общение с местной полицией – двумя мужчинами и женщиной – в темно-синих мундирах и высоких белых касках...

* * *

Проснулся Сергей в абсолютной темноте на постели, разоренной так, будто на ней только что состоялась коррида. Го-

¹² Где поблизости находится приличный ресторан? (итал.)

¹³ Чаевые (итал.)

лова трещала так, словно кто-то изнутри пинал в стенки черепа ногами, разъяренный полной невозможностью выбраться наружу и горящий желанием жестоко отомстить его обладателю.

Несколько минут ушло на то, чтобы осознать, что находится он, все же, в собственном номере, ставшим родным за проведенную в нем неделю с гаком, а вовсе не в местном аналоге вытрезвителя, мысль о котором вспыхнула сразу же, как только в памяти всплыли улыбчивые и вежливые стражи порядка.

Оглашая помещение невнятными стонами, незадачливый победитель чемпионата выбрался из постели и, ежесекундно натываясь на предметы обстановки, которых в полупустом, как он хорошо помнил, номере оказалось на удивление много, принялся за исполнение двух своих самых насущных, хотя и взаимоисключающих, желаний.

Первая задача оказалась относительно легкой – топографическим идиотизмом Сергей не страдал никогда и дверь туалета находил всегда, даже в невменяемом состоянии и без света, зато вторая была заведомо обречена на провал, поскольку воды – питьевой разумеется – в номере не было.

После долгих поисков страдалец напился тепловатой, отдающей, хотя и не хлоркой, но все равно какой-то химией, воды, из-под крана в умывальнике, вывернув голову самым противоречащим человеческой анатомии образом. Рядом, на раковине стоял стакан с зубной щеткой, но восполь-

зоваться им Сергеем почему-то не пришло в голову – он просто повертел его в руках и с понимающей улыбкой поставил обратно. Единственный вопрос, оставшийся после удовлетворения потребностей, заключался в том: почему, собственно, он спит совершенно голым? Вроде бы, склонности к натуразму он за собой никогда не замечал... Но на решение этой теоремы не было сил.

Так же постанывая он добрался до постели и рухнул в нее собираясь так же стремительно провалиться в спасительный сон, единственное безотказное средство в подобной ситуации, насколько он знал из собственного, небогатого еще, питейного опыта. Не тут-то было!

Рука наткнулась на что-то мягкое и упоительно теплое, заставив сердце замереть, а память – стремительно перевернуть еще одну страницу. Длинные волосы, разметавшиеся по подушке, доверчиво сопящий вздернутый носик... Магда! Неужели!..

В голове, под неумолкающий траурный марш Шопена, начали выстраиваться сведения о СПИДе, гепатите «А», «В» и так далее, герпесе и еще множестве не смертельных, но на редкость неприятных хвороб, непременно ждущих каждого любителя неразборчивых связей известного характера. Часть из них Сергеем была известна уже давно, а остальными он был щедро снабжен милой матушкой перед самым отъездом, во время «серьезного разговора». Бедная мамочка! Как горько ей будет узнать, что ненаглядный сыночек все-таки

НЕ УБЕРЕГСЯ!

С этими мыслями Извеков, изнывая от раскаяния и жалости к себе и маме, и уснул повторно, не успев додумать до конца торжественное обещание сразу же с самого утра бежать в ближайшую больницу...

* * *

– Mister champion!.. Mister champion!..

Девичий голосок, произносящий эти слова, конечно, был не лишен приятности, даже более того, но, как и любой будильник, хоть электронный, хоть живой, не вызывал у вырванного из сна человека никаких иных эмоций кроме отвращения. Попытка отвернуться к стене и накрыться одеялом с головой не привела к успеху, просто к звуковым раздражителям добавился механический – только и всего.

– Mister champion!..

Чья-то рука, хоть и мягко, но так настойчиво, принялась трясти цепляющегося за стремительно разлетающиеся осколки спасительного сна, что волей-неволей пришлось открыть глаза и обернуться, чтобы высказать «будильнику» все, чего он своим безобразным поведением заслуживает. Совсем обнаглели эти горничные-итальянки!

Сергей рывком подскочил на постели, открыл рот, чтобы разразиться гневной тирадой, но так и замер с отвисшей челюстью...

Возле кровати, лучезарно улыбаясь и посверкивая озорным глазом сквозь падающие на лицо соломенные пряди, стояла протягивая высокий стакан с чем-то прозрачным и пузырящимся, давешняя Магда, одетая, похоже, лишь во что-то наподобие коротенького халатика, к тому же распахнутого. Уже автоматически беря напиток из ее рук, Сергей узнал в этом откровенном одеянии свою же рубашку...

Все симптомы «алкогольной интоксикации», как говорила мама, исчезли без следа буквально в первые же минуты после того, как начало действовать неизвестное снадобье, растворенное заботливой девушкой (вовсе не шведкой, а датчанкой, следовательно, соотечественницей вовсе не сказочного хулигана и сладкоежки Карлсона, а как раз исторически реального сказочника Андерсена) в стакане минеральной воды. Следует признать, что все наши широко рекламируемые «алкозельцеры», на проверку не содержащие ничего, кроме тривиальных питьевой соды, лимонной кислоты и аспирина, не шли в подметки этому «атомному» препарату, как, смеясь, «по секрету» сообщила спасительница Сергею, сработавшему в секретных лабораториях ЦРУ. ЦРУ не ЦРУ, но действовал он действительно ударно. Кстати, вместе с похмельем, истаяли без следа, развеялись, как дым, все ночные страхи, в действительности, как оказалось, базирующиеся на песке.

Магда, убедительно и с присущим скандинавам отсутствием ложной скромности, в два счета доказала смущенно-

му Извекову, что между ними ночью просто ничего и не могло произойти по причине: а) полной неспособности на что либо конкретное самого «Дон-Жуана», которого последние метры до номера девушке пришлось тащить буквально на себе; б) категорической приверженности вышеупомянутой исключительно к безопасному сексу; в) относительной пригодности последней к самому процессу.

Как именно стыковались между собой приведенные убийственные аргументы, бедной голове Сергея было не до конца ясно, но не верить спасительнице причин не было...

Здравомыслие новой знакомой простиралось настолько далеко, что, оказывается, она вчера вечером, пока «чемпион» с собутыльниками без особенного успеха пытался сориентироваться в пространстве, вернулась в кафе «Микеланджело» и самым решительным образом требовала с алчной брюнетки всю сдачу по счету, милостиво оставив ей какую-то мелочь в качестве законных чаевых. Так что приз облегчился всего на какие-то две сотни евро с небольшим, а вовсе не наполовину, как подозревал чересчур щедрый с перепоею «русский с широкой душой».

* * *

Знакомство было продолжено за завтраком в одном не слишком близком к гостинице, но очень дешевом кафе, да-

же не кафе, а «джелаттерии»,¹⁴ показанной Магдой.

– Скажи, Серж, чем ты конкретно занимаешься в своем Челябинске?

Последнее слово далось датчанке с большим трудом, но в остальном ее английский был безупречен, чего нельзя было сказать о произношении Извекова, владеющего языком, в основном, в объеме средней школы и компьютерных словарей-переводчиков. Не удивительно, если учесть, что проживала и трудилась приятная во всех отношениях девушка, прошедшая на белом свете, кстати, как выяснилось, на пять лет дольше Сергея, в тех самых Штатах Америки, которые, всем известно, соединились в 1776 «лохматом» году ровно за двести лет до ее рождения.

– Да так... – засмутился парень, которому особенно похвастаться, в плане финансов, было нечем. – Немного программирование, немного компьютерная верстка, немного – игры...

– Игры – немного? – иронично сощурилась Магда.

– Да нет... Играю-то я, как раз, все свободное время. Просто разработал несколько игр, кое-что перевел...

– Слушай, Серж, – тон девушки стал деловым. – А сколько ты зарабатываешь в год этими своими «немного»?

– В год? – переспросил Извеков, озадаченный непривычным для русского уха мериллом «получки», лихорадочно считая в уме. – Ну-у, тысяч двести – двести пятьдесят... Может,

¹⁴ Так в Италии называется кафе-мороженое.

чуть больше, – решительно соврал он, чтобы придать себе больший вес в ее глазах.

– Долларов? – ахнула датчанка, прикрывая рот ладошкой.

– Почему долларов? – смешался Сергей. – Рублей...

– Так... – Магда, тут же на салфетке, быстро произвела некоторые вычисления, извлеченной из сумочки авторучкой. – Это получается... Получается... Чуть больше восьми с половиной тысяч долларов. Не густо.

– Что есть, – парень с досадой отвернулся. – То есть... Печатного станка не имею.

«Нашел, чем удивить американку, козел! – ругал он себя. – Да она там в месяц тонн пять гребет „зеленью“, а то и больше...»

– Не обижайся, Серж, – девушка положила ему на запястье свою узкую ладонь и наклонилась через столик, стараясь заглянуть в глаза. – Я не так выразилась... Я должна была помнить, что экономика в вашей стране еще находится на переходном этапе...

– Да ладно, замetano, – Сергей теперь сердился только на себя: тоже, патриот нашелся!

– Нет, ты не понял, – Магда не прекращала попыток расшевелить его. – Дело в том, что я работаю в одной компании, кроме всего прочего занимающейся софтом, в том числе и компьютерными играми...

– «NovaLogic»? «Relic Entertainment»?

– М-м-м...

– Неужели «Id Software»?

– Нет, – отмахнулась датчанка, на мгновение сморщив симпатичный носик. – Её название тебе ничего не скажет... Но фирма серьезная, – добавила она, заметив некоторое разочарование в лице собеседника. – Я, собственно, находилась на чемпионате не в роли игрока или зрителя...

– Так ты из жюри?

– Нет, – новая миленькая гримаска. – Скорее, в качестве представителя своей компании – одного из спонсоров чемпионата.

– Мы таким образом подбираем новых перспективных сотрудников, – сообщила она заговорщическим тоном, снова склоняясь к Сергею и слегка, по-кошачьи, запуская ему в запястье аккуратные перламутровые коготки, чтобы он почувствовал всю важность момента.

– Так, значит...

– Какой ты непонятливый! Да, я предлагаю тебе работу в компании. Скажем... Экспертом по компьютерным играм. Если раньше ты играл в свободное время, то теперь будешь играть в рабочее и, к тому же, получать за это деньги. На первых порах, я думаю, четыре тысячи долларов...

– В год?

– В месяц. В ваших рублях это будет...

– Стоп! Не надо. Я все понял.

– Ну там грин-карта, страховка и все остальное – за счет компании...

Извеков помялся немного.

– А сколько я буду должен за это... э-э... отстегнуть?

Магда сперва не поняла и несколько секунд только хлопала своими огромными голубыми глазищами, но потом постучала костяшкой указательного пальца по лбу:

– Ты совсем дурак? Или прикидываешься?..

– Но...

– Ты не понял?.. А мне ты показался сообразительным парнем...

«Неужели?.. Вообще-то я и раньше замечал, что девчонки ко мне неровно дышат... Да в армии мускулатурку поднакачал... Говорят, иностранки на наших мужиков всегда западают...»

Мысли, пробегающие в мозгу Сергея, видимо, ясно читались на его лице, потому что девушка слегка покраснела и с таинственной улыбкой потупилась, что еще больше укрепило его в своей догадке.

– Так значит... это... – он несколько осмелел. – Может пойдем в гостиницу?

Магда кивнула.

– Конечно пойдем... Но только в разные номера и пока, вообще, в разные гостиницы.

– Но...

– Ты стремительно теряешь очки в моих глазах, милый, – тепло улыбнулась датчанка. – Я же все тебе объяснила еще утром. Пункт «В». Не помнишь?..

– Так?..

– А раз ты все правильно понял, то не нужно кричать об этом на все кафе.

Теперь пришла очередь мучительно покраснеть Сергею...

* * *

Рев турбин «Боинга-747» совершенно не ощущался в ошеломляюще комфортабельном, по сравнению с «аэрофлотовским», салоне бизнес-класса. Сергею как-то не верилось, что он, бок о бок с красивой девушкой летит в одиннадцать километрах над океаном и направляется не куда-нибудь, а в сами Соединенные Штаты, причем, не каким-то туристом, а полноправным сотрудником крупной компьютерной фирмы с таким окладом, что в родном Челябинске не снился и «крутому» Владимиру Иосифовичу, не то что Лешке-«банкиру». Голова закружилась бы от одних перспектив, даже без виски «Black Label», бутылка которого, купленная перед отлетом в «Duty Free» Амстердамского аэропорта опустела уже более чем на две трети.

– А ты не хочешь меня поздравить? – спросила вдруг Магда, опустив свою золотую головку на мужественное плечо, сидящего рядом, Извекова.

– С чем? – не понял он, честно ковыряясь в памяти и пытаясь вспомнить повод.

– Нет, – слегка отстранилась девушка. – Ты непроходимо

туп, Серж! Неужели, это обязательная черта всех русских?

– Почему? Просто я...

– Вспомни, какое сегодня число.

– А-а-а! Четвертое июля! Это же День Независимости...

Но...

– Вы настоящий имбецил, мистер Извеков! Сегодня день моего рождения!

«Точно! – Сергей готов был придушить себя за недогадливость. – Она же говорила, что ровно на двести лет моложе „Американской Революции“! А я, дурак, все высчитывал, на сколько лет она старше меня... Про число-то забыл!»

– Прости меня, Магда! – парень проклинал сейчас некруглое имечко девушки, не предусматривающее никаких уменьшительно-ласкательных вариаций, на которые так богат русский язык: не назовешь же ее «Магдочкой» или еще того хлеще «Магдюшей». – Я круглый дурак!

– Почему круглый? – заинтересовалась датчанка, критически оглядывая фигуру своего спутника. – Ты очень даже поджарый. Ни капли лишнего жира...

– Это русское выражение такое. Означает «полный», хотя... О! Абсолютный! Даун.

– Не-е-ет! – Магда кокетливо прищурилась. – Ты не даун... Ты просто немного глупенький мальчик, который мне очень-очень нравится...

– Как только мы прилетим, я, в первом же магазине, тут же куплю тебе большой подарок!

Девушка лукаво улыбнулась:

– Зачем же ждать? К тому же, первым магазином на земле будет все тот же «Duty Free»... Свой «большой подарок» ты мне можешь сделать и здесь...

– Здесь? – Сергей нервно облизнул губы и оглянулся: в соседних креслах мирно дремали, читали газеты или степенно беседовали солидные пассажиры, в основном, семейные пары. – Но тут же...

– Еще одно слово и я выкину тебя из самолета! – датчанка подхватила сумочку и гибко вскочила на ноги, приняв такую позу, что парень невольно залюбовался ее точеной фигуркой, которую выгодно подчеркивали обтягивающие джинсы и свободная блузка. – Без парашюта. Ровно через две минуты я жду тебя там, – прелестный пальчик, не слишком заметно для окружающих, указал на дверь туалета. – Не опаздывай!

Она удалилась, прихватив с кресла кофточку и сумочку, такой походкой, что Сергея прошибло потом.

Черт возьми! Столько раз видел подобное в американских фильмах, а как коснулось – забыл. Интересно: как это будет выглядеть в реале? Конечно, туалеты на американском лайнере заметно комфортабельнее наших – сам имел возможность убедиться за долгий полет – но... Ладно. Магда старше, опытнее и, конечно, знает, что делает. Так что, «глупенькому мальчику» стоит и в этом вопросе положиться на нее... «Положиться»! Фу, гусар, вы большой пошляк!.. Кстати, вот и время подошло...

Чувствуя себя до предела неловко, Сергей пробрался к нужной ему двери (не хватало еще перепутать) и слегка побарабанил ногтями опущенной вниз руки, готовый провалиться сквозь палубу, все одиннадцать тысяч метров воздуха отделяющие его от старушки-Земли и, заодно, сквозь нее, до самого огненного центра. Ему казалось, что все пассажиры салона, включая дремлющих, сейчас буравят ему спину взглядами, старательно пряча скабрзные усмешки. Через мгновение, показавшееся вечностью, дверной замок клацнул.

Извеков, не поднимая глаз проскользнул внутрь тесного помещения, защелкнул за собой дверь и только после этого взглянул на свою подругу.

Прямо в лицо ему смотрел черный зрачок пистолетного ствола...

3

Капитан-лейтенант Майкл Нахтигаль, помощник командира эсминца «MS466» из эскорта авианосца «Рональд Рейган», ядра Восьмого флота США опустил бинокль и сощурившись взглянул на упорно карабкающееся к зениту солнце.

Четвертое июля, День Независимости. Вечером все офицеры эскадры приглашены на авианосец. Будет праздничный ужин, танцы... Говорят, из Гонолулу доставили некую «группу поддержки»... Темнят, как всегда, но, если это опять будут девочки не слишком уж преклонного возраста, у капитан-лейтенанта есть шанс... А что: тридцать два года, высок, недурен собой, холостяк... Не совсем, правда, холостяк, но девчонкам-то откуда знать? Четвертый месяц кряду эскадра патрулирует этот проклятый Тайваньский пролив, демонстрируя «красным» китайцам, что Великая Америка не даст в обиду китайцев «синих». Не все же, как матросику-первогодку, пробавляться красотками из интернета?

Кстати, об интернете: неплохо бы, между делом, посмотреть почту...

Капитан-лейтенант легко сбежал по трапу и, небрежно кивнув в ответ на приветствие старшины Рейли, неторопливо направился в свою каюту.

Насвистывая прилипчивый мотивчик, офицер швырнул

форменную фуражку на шкаф и извлек из стола плоский чемоданчик ноутбука.

Та-ак! «Привет, Майки! Введи-ка пароль». Конечно, старина комп, без пароля на этой скорлупке, где все всё про всех знают, а у стен растут не только уши, но и хитрющие глаза, заодно с руками, нельзя. Ну-ка...

Тирлим-пам-пам!

– Добро пожаловать, Майки!

Милый голос Дженифер. Зачем он записал перед отъездом в качестве приветствия именно его? Проклятая сентиментальность – наследство немецких пращуров. Только зря себя бередить...

Ну, давай! Чего опять песочные часы туда-сюда гонять? Еще скажи, что опять не хватает ресурсов. Утоплю к чертям свинячьим! Продавец клялся-божился, что ты – самый навороченный из лаптопов этого сезона.

Вау! «Компьютер не может установить связь с удаленным сервером». Ты что, милый, сбрендил? Еще разок...

Тирлим-пам-пам! Тирлим-пам-пам! Тирлим...

Черт! Опять?!..

После пятнадцати минут бесплодных попыток войти в сеть капитан-лейтенант действительно был готов вышвырнуть ноутбук в иллюминатор на потеху акулам и летучим рыбам, вряд ли, впрочем, владеющих компьютерной грамотностью в нужном объеме. Он так бы и поступил, если бы не знал, что бедная машинка ни в чем не повинна, а дело в се-

ти... Но так хотелось сорвать на ком-нибудь раздражение.

Доннерветтер-р-р!!!¹⁵

Когда капитан-лейтенант Нахтигаль начинал ругаться, словно его средневековый предок-ландскнехт, всем окружающим было понятно, что он находится в крайнем градусе раздражения. Первым это ощутило крепление внутрикорабельного переговорного устройства, которое офицер едва не вырвал из стены, когда «снял» трубку.

– Радиорубка? Говорит капитан-лейтенант Нахтигаль. Старшину радистов ко мне! В каюту.

Ну, пусть теперь этот чурбан из Алабамы попробует оправдаться, сыпля своими чертовыми компьютерными терминами! На корабле боевого охранения отсутствует связь! Да его... Ага! Вот и он скребется...

– Да! Войдите!

– Старшина радиобеспечения эскадренного миноносца...

– В чем дело, Макмиллан? Почему опять не работает ваша чертова сеть? Что это еще за сбой?

– Сэр...

– Помолчите, Макмиллан. Почему я битый час не могу установить связь с...?

– Сэр...

– Молчать!

– Позвольте, сэр!..

В самом деле: чего это он сорвался будто нацистский

¹⁵ Труднопереводимое немецкое ругательство.

фельдфебель из фильма про Вторую Мировую? Побегит ведь жаловаться капитану, чернож... черноза... Афроамериканец, словом.

– Говорите. А еще лучше – делайте. Чего стоять столбом?..

– Позвольте, сэр! – упрямо продолжал твердить чернокожий радист, действительно напоминающий столб своей стойкой навытяжку.

– Ладно. Чего там у вас...

– Связь со спутником отсутствует уже в течение полутора часов... Точнее, одного часа сорока семи минут. Мы связывались с другими кораблями флота, но у них та же самая проблема...

– Почему не доложили сразу?

Чернокожий помялся.

– Ну... Сначала казалось, что это так – пустяки... И раньше бывало, что связь прерывалась на несколько минут...

– Но не на два без малого часа!

– Так точно, сэр!

– Командир в курсе?

– Нет, сэр!

– Срочно доложить ему. Нет, постойте, Макмиллан, я сам ему доложу. Радиостанция работает?

– Так точно, сэр! Но...

– Прекратите тянуть, Макмиллан. Постарайтесь наладить хоть какую-нибудь связь. С Йокогамой хотя бы... С Се-

улом... С Гонолулу, наконец!

– Так точно, сэр! Разрешите идти?

– Идите.

В дверях Джеф Макмиллан обернулся и спросил у своего командира, пытаясь поймать его взгляд:

– Как вы считаете, сэр, это китайцы?.. Или русские?..

Капитан-лейтенант почувствовал, как ледяные мурашки прощекотали ему позвоночник: об этой возможности он, в своем гневном запале, как-то не подумал...

– Не болтайте ерунды, старшина. Лучше попытайтесь восстановить связь побыстрее.

Динамик над дверью ожил:

– Капитан-лейтенант Нахтигаль! Срочно к капитану!

* * *

– Ма-а-ам! Настрой телик! Ничего не видно!

– Томми! Подожди минутку: я разговариваю с тетей Эллис по телефону.

– Ма-ам! Но не видно же ничего!

– Томми! Ты негодный мальчишка! Вот, пока я отвлеклась на тебя, тетя Эллис отключилась...

Миссис Игги прошла в детскую и раздраженно вырвав пульт из сынишкиной руки несколько минут нажимала на нем кнопки. Увы, на фоне разномастных мельтешащих полос загорались только цветные цифры, означающие каналы.

– Томми, паршивец! Я же запретила тебе трогать настройку! Что ты тут такое нажал?

– Я ничего не нажима-а-ал! – зарыдал пухлый розовощекий здоровяк пяти с половиной лет от роду, при виде которого все знакомые в один голос уверяли, что он один в один копия Игги-старшего, совладельца лучшей в Гонолулу адвокатской конторы. – Там «Пауэр Рейнджерс» шли, а потом раз – и все выключилось!

– Не ври! Ты знаешь, что я этого не терплю!

Миссис Игги повернулась на каблуках и, высоко задрав подбородок, прошагала в гостиную, где с тем же успехом несколько минут пыталась оживить огромный плазменный «Thompson», красу и гордость семьи. Точно так же бездействовали телевизор в ее спальне, телевизор на террасе и маленький переносной телевизор на кухне. Может быть прошел смерч и спутниковая тарелка на крыше потеряла свою ориентацию? Проверим... Нет, вроде бы все в порядке. Нужно позвонить Джорджу и он, конечно, подтвердит, что все, как и все всегда у него «олл райт».

Телефон тоже молчал.

– Это черте что получается!

Миссис Игги обычно старалась не выражаться чересчур крепко при младшем сыне, весьма переимчивом, особенно в таких случаях, но происходящее совершенно выходило за всякие рамки.

– Мам? Ты меня звала? – Томми заинтересованно наблю-

дал за мамой, облокотившись на косяк двери, склонив голову набок и засунув палец в рот.

– Нет, Томми, нет, – мама проигнорировала даже палец в неподобающем месте, что с ней случалось нечасто. – Пойдем, я включу тебе видео...

– Не хочу видео! Не хочу! – запрыгал мистер Игги-младший, почувствовав каким-то шестым чувством, довольно обыкновенным у любого ребенка, но без следа исчезающим с возрастом, что происходит что-то из ряда вон выходящее и из этого можно извлечь свою небольшую выгоду (что же вы хотели – сын стряпчего!) – Хочу компьютер! Там, где в монстров стреляют! Ма-а-ам!!!

К его изумлению, мама не просто включила на компьютере, подходить к которому ему разрешалось строго по часам, игру (он, признаться, был бы согласен и на угадку «Rabbit Pitty»,¹⁶ подходящую только для сопливых девочек), а именно ту, вожающую «Infernal Whirlwind»,¹⁷ доступа к которой он безуспешно требовал, регулярно закатывая скандалы, уже полгода...

Так. Томми на какое-то время занят. Что же произошло? Телевидение не работает, телефон тоже. Может быть, все-таки какой-нибудь ураган или тайфун? Но небо же без единого облачка!..

– Миссис Игги! – раздался снаружи дома надтреснутый

¹⁶ «Кролик Питти» (англ.)

¹⁷ «Адский вихрь» (англ.)

старушечий голос. – Долли, милая!

О-о-о! Престарелая мисс Холливелл притащила свои древние кости... Хотя... Сейчас Долорес Игги была рада любому человеческому лицу: все-таки страшновато оказаться отрезанной от цивилизации в первой половине XXI века.

– Долли, милочка! – древняя, как трехсотлетняя черепаха, трясущаяся мисс Холливелл вползла на террасу дома, гулко переставляя по полу свой нержавеющей «уолкер» и вперила в домохозяйку свои круглые допотопные очки, сверкающие в луче солнца, бьющего сквозь приоткрытые жалюзи, как линзы артиллерийской стереотрубы. – Скажи мне, девочка, у вас тоже не показывает телевизор?

– Да, мисс Холливелл, – кивнула Долорес, ощущая, как откуда-то снизу, сменяя все остальные чувства, поднимается волна паники, какого-то первобытного ужаса. – И телефон – тоже...

– Это – нападение Советов! – торжествующе изрекла старая рептилия, уставив в потолок костлявый палец с раздутыми артритом суставами. – Они сбросили свою проклятую бомбу на Штаты и теперь ничего не работает! Нельзя было старому Рони верить этому русскому сопляку с пятном на лысине...

– Мисс Холливелл, – оторопело переспросила Долорес. – Какие советы? Какой еще «старый Рони»?..

– «Какой, какой»... – язвительно передразнила старуха. – Конечно же Рони Рейган! Я всегда говорила, что поставить

президентом актера, всю жизнь не сыгравшего никого, кроме безмозглых ковбоев, может только круглый идиот... Хотя я всегда голосую за республиканцев – в тот раз я решила не голосовать совсем! Веришь ли, девочка: я оказалась права!

– Мисс Холливелл, – миссис Игги наконец обрела дар речи. – Да Рональд Рейган, если вы его имеете в виду, а не кого-нибудь другого, уже двадцать лет, как не президент! Он вообще уже давно умер! А Советский Союз развалился лет пятнадцать назад...

– Не верь, Долли, – уцепилась скрюченной лапкой, цепкой, как у ящерицы, за ее рукав старуха. – Никому не верь! Это все выдумки демократов... Я помню... Я все помню... В тот день, когда японцы прилетели бомбить Пёрл-Харбор тоже не работали ни радио, ни телефон... Я все помню...

Долорес только открыла рот, чтобы возразить сумасшедшей старухе, как где-то вдалеке хлопнул выстрел, потом еще один, потом целая очередь и тут же залаяли полицейские сирены. Молодая женщина без сил опустилась в плетеное кресло.

– Слышишь! – мисс Холливелл указала трясущейся рукой куда-то в сторону пальмы, росшей возле ворот. – Это красные китайцы высадили десант, чтобы захватить порт. Нам всем нужно брать в руки оружие, как наши предки на Диком Западе...

В этот момент ожил телефон, взорвавшийся пронзительной трелью. Не тот, по которому она разговаривала с Эллис,

а старый, кабельный, про который она и думать забыла, считая давно не работающим аляповатым украшением, не более того.

– Да...

В черной мембране на грани слышимости, едва прорываясь сквозь шипение и треск, запищал комариный голос, в котором только с огромным трудом удалось опознать баритон Джорджа.

– Джо! – закричала Долорес в трубку, боясь, что и эта тоненькая ниточка, соединяющая ее с большим миром порвется и она останется один на один с ожившим кошмаром из худших голливудских триллеров. – Джо! Скажи мне, что происходит!..

– Никуда не выходи! – пищал, не слушая ее, муж. – Запри все окна и двери. Томаса лучше всего отведи в подвал. Унеси ему туда игрушки и маленький телевизор с кухни... Ах, да...

– Джо!!! Что происходит!

– Нужно взять в руки оружие, – возбужденно гнусавила рядом старуха, воинственно размахивая тощей лапкой. – И убивать этих проклятых китайцев и коммунистов! И черномазых! И евреев! Всех, всех их убить!.. Мы с тобой, Трумэн!¹⁸

– Достань из стола в моем кабинете револьвер и заряди

¹⁸ Гарри С. Трумэн (1884–1972) – 33-й президент США (1945–1953), в 1945 году отдавший приказ о ядерной бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки.

его, – продолжал Джордж, будто слыша воинственные призывы мисс Холливелл. – Патроны в кладовке на четвертой полке напротив двери. В красной коробке... Ты помнишь, как я учил тебя стрелять?..

– Джо-о-о!!! В чем дело? Это война? На нас напали?

– Я скоро приеду, Долли. Никуда не выходи из дома.

– На Америку напали?!!

– Америки больше нет, Долли... – в трубке зазвучали короткие гудки.

Долорес отняла от уха гудящую трубку и из ее глаз горохом посыпались крупные слезы...

* * *

– Только обязательно возвращайся к обеду, Билли, сегодня я приготовлю индейку.

– Не обещаю, – Уильям Боркин хохоча влез в кабину своего пикапа и сделал дорогой супруге ручкой. – Может быть рыба будет клевать так, что я позабуду про всех индеек на свете?

– Не паясничай, Билли! – сухонькая Энн Боркин притопнула ногой на своего несносного мужа. – Сегодня же День Независимости!

– Ну и что? Какое рыбе дело, что двести лет назад несколько каких-то чудиков за бутылкой виски настрочили какую-то бумажку?

– Только попробуй опоздать.

Миссис Боркин круто развернулась и ушла в дом, откуда уже всюю неслись аппетитные запахи, а Уильям, улыбнувшись, придавил газ и выехал за ворота.

Он любил иногда подразнить свою дражайшую половину, этот сорокапятилетний полный сил и здоровья мужчина, хотя и любил ее больше всех на свете. Даже больше любимой работы и рыбалки, в борьбе с переменным успехом между которыми проходила его жизнь. Вот и сейчас, в День Независимости, мистер Боркин, презрев все американские традиции, направлялся к известному одному ему (так ему нравилось думать) «уловистому» плесу речки Соу-Крик, где ему не терпелось испытать совершенно новый, только что разработанный им воблер,¹⁹ за которым все местные пятифунтовые окуни просто обязаны выстроиться в очередь, а всякую, не стоящую упоминания, мелочь придется отгонять палкой.

Надо заметить, что Уилл Боркин был ярким противником всяких современных химических обманок, своим ароматом сводящих рыбу с ума или искусственных электронных рыбок, ведущих себя в воде точь-в-точь, как живые, даже испускающие такие же колебания, как испуганный малек, пытающийся удрать от щуки. Он признавал только честную борьбу с речными и озерными великанами, когда с одной стороны – сила, ловкость и хитрость, с другой – опыт, знания и изобретательность, а между – крепкое удилище, прочная

¹⁹ Разновидность блесны для ловли хищной рыбы спиннингом.

леска и добрый крючок.

Не было, пожалуй во Флориде рыболовного состязания, в котором Боркин не поучаствовал бы. Вообще же, шкаф в его комнате ломился от всевозможных кубков, статуэток, дипломов и грамот за победы в мыслимых и немыслимых рыболовных конкурсах и чемпионатах, как в своем штате, так и на федеральном уровне (а один раз – даже на международном соревновании в Нассау, на Багамских островах). Друзья и знакомые вечно изумлялись, почему способный, кажется, выловить рыбу – да не простенькую, а могучего сома или красавицу-форель – забросив удочку прямо в собственную ванну или вообще в какой-нибудь канализационный люк, не откроет фирму по разработке и продаже другим, менее удачливым рыболовам, своих высокоуловистых изобретений, а продолжает трудиться скромным почтовым служащим. Уилл же скромно пожимал плечами и продолжал ежедневно ездить на работу за десять миль от дома, перетасовывать ежедневно сотни фунтов писем, бандеролей и посылок, и выглаживать надфилем в своем воображении хищные обводы очередной верткой блесёнки...

Вот и сейчас мощные волосатые руки «почтаря» в третьем поколении чутко держали рулевое колесо его выдавшей вида «Тойоты», тогда как глаза время от времени отрывались от пустынного в праздничный день шоссе, любовно поглядывая на прозрачную коробку с блеснами, мушками и прочими приманками, покоящуюся на почетном месте рядом с

водителем, на соседнем сиденье. Гидродинамического оборудования, как у рыболовных компаний-монстров у мистера Боркина, конечно, не было, но он был уверен на все сто процентов, что новый, окрашенный в серебристо-зеленый цвет воблер поведет себя в струе воды точно так, как и задумывал его творец.

Глядя на бесконечную серую ленту, убегающую под колеса, Уилл видел не ее, а сверкающие блики на мелкой водной ряби над заветным омутком, где прятался огромный окунь, два раза уже выходивший победителем из единоборства с рыболовом и уважительно прозванный им «старинной Недом». Что ж, старина Нед, потягаемся еще разок!..

В тот самый момент, когда мистеру Боркину представилось, как он, после широкого замаха, мастерским скупым движением удилица посылает приманку далеко вперед, машину чувствительно повело в сторону, будто мощным порывом ветра, хотя листва на одиноком деревце у обойчины даже не шевельнулась...

«Черт! – подумал Уилл, привычно выравнивая автомобиль. – Ерунда какая-то...»

Никаких посторонних движений старая верная «Тойота» больше себе не позволяла, поэтому водитель снова расслабился.

«Показалось, наверное...»

Стоп. А это что такое?

Позади, милях в трех по прямому, словно стрела шоссе,

от земли до неба и в обе стороны по горизонту, сколько хватало глаз, вставала исполинская снежно-белая стена.

Мистер Боркин почувствовал, как в сердце, на которое он никогда не жаловался, вонзилась болезненная игла.

«Энни!»

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Уилл развернулся через сплошную осевую и, не думая об ограничении скорости, помчался обратно.

По мере приближения к ней, стена превращалась в нагромождение клубящихся облаков, наподобие тех, что видны из иллюминатора под крылом проносащегося в высоте пассажирского лайнера с одним лишь различием: белоснежная всхолмленная плоскость эта теперь располагалась не параллельно, а перпендикулярно земле, теряясь в огромной высоте.

– Че-е-ерт!!!

Боркин слишком поздно понял, что облачная стена вовсе не стоит на месте, а летит ему навстречу на скорости ничуть не меньшей, чем у курьерского поезда, и, каким-то еще не поддавшимся панике уголком мозга понимая, что жать на тормоза поздно – на такой скорости, да в тумане, лучше катиться на четырех колесах, чем скользить «юзом» или, того хуже, кувырком – плавно придавил педаль тормоза. Секунду спустя «Тойота» нырнула в белое и плотное на вид месиво...

К вящему изумлению рыболова, мгновенной смерти за этим погружением не последовало, более того, машина про-

должала катиться по чему-то не менее гладкому, чем оставленный «по ту сторону» асфальт, постепенно замедляя ход, пока не остановилась.

Все. Ничего больше не происходило.

Уил заглушил мотор и посидел немного, чтобы собраться с мыслями. За стеклами автомобиля бесшумно клубились туманные вихри, видимость была нулевая.

Радиоприемника в машине не было, мобильный телефон молчал, трудолюбиво сканируя эфир в поисках станции. И это буквально в двух шагах от города! Похоже, случилось действительно что-то экстраординарное, мало напоминающее какой-нибудь шальной циклон.

– Даже если это атомный взрыв, – сообщил кому-то мистер Боркин, глядя себе в глаза через зеркало заднего вида. – И меня накрыло радиоактивным облаком, то от того, что я буду сидеть в стальной коробке на четырех колесах, ничего не изменится.

Собеседник в зеркале согласно кивнул и подмигнул. Он всегда разделял мнение Уилла на сто процентов. Жаль. Если бы он вдруг бурно запротестовал, то был бы шанс отсидеться в уютном и кажущемся безопасным салоне пикапа...

Мистер Боркин тяжело вздохнул и осторожно опустил стекло. Чуть-чуть, на полпальца, не более.

В кабину тут же поползли лохматые туманные щупальца и повеяло холодом.

Может все-таки внезапный грозовой фронт?

Уилл снова вздохнул, еще более тяжело, распахнул дверь и шагнул наружу...

Через минуту он уже точно знал, что стоит на том же самом шоссе, только покрытым туманом, а вокруг царит жуткий холод. Хотя... После ста с лишним градусов²⁰ перед «стеной» и комнатная температура покажется арктической стужей. Даже солнце не проглядывало сквозь непроглядную кисею и здесь царил легкий сумрак.

Туман не пах никакой химией (а кто знает, чем пахнут радиоактивные осадки?), даже наоборот, свежестью и почему-то сосновой хвоей, что совсем не свидетельствовало в пользу атомной или химической атаки.

«Словно в Йеллоустоне каком-нибудь, – проворчал рыбовод, усаживаясь обратно и заводя двигатель. – Или где-нибудь на Аляске...»

И в Йелустонском Национальном Парке, и на Аляске он бывал. В Полярном Штате даже два раза: раз с Энни в отпуске и второй – на Американском Чемпионате по ловле спиннингом. Чудесные были деньки...

«Тойота» осторожно тронулась с места. Туман неслышно расступался впереди и тут же смыкался позади автомобиля... Так продолжалось более полумили.

Внезапно впереди посветлело и обрадованный Уилл добавил газу.

²⁰ Имеется в виду принятая в США температурная шкала Фаренгейта, по которой +100 градусов соответствуют +37,8 по шкале Цельсия.

Лучше бы он этого не делал...

Буквально сразу же пикап запрыгал по каким-то ухабам, заставив водителя пару раз врезаться головой в крышу и больно прикусить язык, а еще через мгновение вылетел под яркий свет и, после особенно высокого, прямо-таки «козлиного» прыжка, заглох.

Оказалось, что, незаметно для себя, в момент первого прыжка мистер Боркин зажмурился и теперь потихоньку приоткрывал узенькую щелочку между век, боясь увидеть нечто страшное...

Наконец, щелочка стала достаточной, чтобы оценить перспективу перед лобовым стеклом... И глаза тут же распахнулись до максимальных пределов, отпущенных им природой.

Нет, не зря ароматы тумана навеяли Уиллу воспоминания об Аляске: пейзаж расстилавшийся с трех сторон от стоящей по самые стекла в высокой траве «Тойоты» (ярдах в пяти-десяти позади по-прежнему клубилась Стена) никак не мог принадлежать Цветущему Штату,²¹ а вот Полярному – с большой вероятностью...

Мистер Боркин протер глаза, ущипнул себя за поросшее рыжей шерстью запястье и снова протер глаза.

Нет, остроконечные сосны (или пихты какие-нибудь, Бог их разберет) и возвышающиеся за ними на фоне темно-голубого неба заснеженные горные вершины, словно сошедшие с туристической открытки, никуда не исчезли...

²¹ Иносказательное название Флориды.

Выруливший из-за хвойной роши «Лендровер» с полицейской эмблемой на борту застал рыболова бродящим вокруг своего автомобиля с видом лунатика, разбуженного посреди восхождения на крышу Эмпайр Стейт Билдинг²² прямо по отвесной стене. Он то приседал на корточки, то вскакивал, срывал головки неярких полярных цветов, растирал их в ладонях и нюхал...

– Добрый день, мистер! – полицейский в теплой кожаной куртке с меховым воротником с шерифской звездой и широкополой панаме оказался молодым парнем примерно двадцати пяти лет от роду, крепким и высоким, но, судя по смугловатой коже и слегка раскосым глазам – с изрядной примесью индейской крови. – Не слишком ли легко вы одеты для наших широт?

Пар изо рта, правда, не шел, но столбик термометра вряд ли дотянулся бы в сегодняшнее утро до шестидесяти градусов.

– Знаете, шериф, – развел руками Уилл. – Там, где я надеялся сегодня порыбачить, было потеплее.

– Это где? – недоверчиво улыбнулся парень. – Не во Флориде ли? Всю неделю свежо – из куртки не вылезая...

– А я, собственно, где сейчас нахожусь?.. – потерянно спросил рыболов.

– В Нью-Мексико! – съязвил шериф, приближаясь к ми-

²² Старейший небоскреб Нью-Йорка, бывший одно время высочайшим зданием в мире.

стеру Боркину. – На Аляске, конечно же. Вы сколько выпили сегодня с утра, мистер? Пинту? Две? А может быть не просыхаете со вчерашнего? Ну-ка дыхните!..

Странно, от чокнутого не пахло ничем кроме мужского лосьона после бритья и мяты, вероятно, после пастилок для свежего дыхания...

– Да как вы вообще здесь очутились? – возмутился ничего не понимающий блюститель порядка, хлопнув ладонью по ярко-красному капоту «Тойоты». – На этой колымаге, да по нашему бездорожью.

– Я оттуда... – Уилл, глупо улыбаясь, указал в сторону клубящейся Стены.

– Не свистите! – презрительно ухмыльнулся шериф. – Там до самого Дайкертауна никакой дороги, а это семьдесят миль – не койот чихнул, понимаешь!

– Вы будете смеяться, – взял себя, наконец, в руки мистер Боркин. – Но еще полчаса назад я действительно был во Флориде...

– Ага! А я на Марсе!

– Вы мне не верите? А что, по вашему, это такое?.. – Уилл указал рукой на никуда не собирающуюся пропадать Стену.

– Туман обычный, вот и все. У нас тут и покруче бывают, но башню от этого почему-то никому не сносит. Если травки не обкурились, конечно... Дайте-ка ваши права, мистер...

Шериф минут пять тупо изучал поданную ему карточку со всех сторон и даже на просвет, потом присел возле капо-

та «Гойоты» и еще пару минут разглядывал белый номерной знак, красные литеры и цифры которого на фоне зеленой карты Цветущего Штата прямо и недвусмысленно заявляли, что выдан он действительно в штате Флорида, графство Мэрион, семь лет назад.

– Так вы не шутите? – на мальчишку было жалко смотреть: вся его самоуверенность так и осыпалась, словно сырая штукатурка. – Вы утверждаете, мистер Боркин, что вон там, в тумане, Флорида?

– Проверьте сами! – Уилл понимал, что выглядит нелепо, но поделаться ничего не мог. – Двигайтесь по моим следам и не далее, чем в пятидесяти ярдах отсюда будет асфальтированное шоссе... Если вам повезет, – добавил он, усмехаясь неизвестно чему. – То встретите по дороге указатель на Окалу.

Шериф недоверчиво хмыкнул, покрутил головой, но поднялся на ноги и, зачем-то вынув из кобуры свой «Магnum», зашагал по едва видимым в траве следам пикапа к Стене.

– Там на заднем сиденье, – буркнул он, обернувшись на мгновение перед тем, как нырнуть в туман. – Запасная куртка лежит. Накиньте, а то часом простудитесь...

После чего растворился в Стене без следа.

Отсутствовал он довольно долго. Боркин успел и в полицейскую куртку закутаться, и включить никогда не используемый им ранее обогреватель в кабине, и даже немного согреться.

Наконец, шериф появился из Стены, с обалделым видом крутя в руках разлапистый пальмовый лист, видимо, сорванный по дороге...

4

– Сергей Извеков! Вы арестованы по подозрению в финансовых преступлениях с применением компьютерных технологий! Самолет является территорией Соединенных Штатов Америки и любое сопротивление с вашей стороны будет пресечено самым жестким образом.

Перед самыми глазами Сергея покачивался увесистый блестящий значок с известными по фильмам буквами «FBI», закрепленный в некоем подобии черного кожаного портмоне.

– Магда, – кривовато улыбнулся парень, еще не отдавая себе отчета в том, что сверкающая ледяной синевой глаз красавица с отдаленно знакомым лицом, изъясняется, и весьма чисто, на русском языке. – Ты прикалываешься, да?..

– Вы имеете право на один телефонный звонок... – выпалила в ответ стандартную формулу задержания-ареста, набившую оскомину по тем же голливудским боевикам, преобразившаяся датчанка, пряча жетон, и довольно больно тыча стволом пистолета в подбородок «приятелю». – Повернитесь лицом к стене, обопритесь на нее руками, расставьте ноги...

– Ты что: решила в «копов» поиграть? – все еще пытался обратить все дело в шутку Сергей, чувствуя, как его профессионально, судя по ловкости и сноровистости движений, обыскивают. – Тебя это возбуждает?..

И тут же взвыл от несильного, но чувствительного удара между расставленных ног, а когда обрел способность соображать, на его запястье уже защелкивался металлический «браслет» наручников.

«Влип! – похолодел Сергей, чувствуя, как у него предательски слабеют ноги: когда „Магда“ заговорила по-русски он узнал тот самый легкий акцент, слышанный по телефону. – Что там она про „преступления с применением компьютеров“ плела? Неужели из-за наших с Лешкой „проказ“ с дисками?..»

В памяти разом всплыло все читанное в «инете» и виденное по «ящику» о том, как «штатники» преследуют правонарушителей в области чужой интеллектуальной собственности, особенно «компьютерных пиратов».

«Все с самого начала было подстроено! – бухало в голове стотонным молотом. – И приглашение это, и сам чемпионат липовый... Блин! А еще радовался, как дурак, что десять тонн выиграл! Влип по самое некуда...»

Сразу становились легко объяснимыми и быстрота получения визы в страну Евросоюза, и легкость, с которой достался приз, и интерес со стороны красивой и уверенной в себе девушки (Сергей, раз взявшись за самобичевание, был беспощаден к себе до конца), к тому же старше на пять лет, и билет на Нью-Йоркский рейс без проблем... И отлучка Магды в аэропорту перед самым прохождением досмотра, под вздорным предлогом... А как же: пистолет, наручники, да

Бог вещь что еще – сотрудники ФБР всегда над законами!

А почему не арестовали прямо в Италии? Элементарно, Ватсон: хоть и дружественная, а, все же, чужая страна со своими законами и привычками. А ну как не отдали бы «штатникам»? По своим статьям «заперли» бы или, вообще, в Рашку депортировали? Янкесы хитрые, их на кривой кобыле не объедешь...

– Сейчас мы вернемся обратно в салон, – после того, как второй «браслет» был защелкнут на левом запястье девушки, голос «Магды» немного потеплел, но прежней мягкости в нем явно недоставало. – И если ты будешь паинькой, ничего страшного не случится. В аэропорту Нью-Йорка нас уже ждут... Знаешь, Серж – все-таки лучше несколько лет тюрьмы в Штатах, чем пуля в боку.

– Мы же на борту самолета. Неужели ты будешь стрелять?

– У меня экспансивные пули, Серж.

– Ну и что?

– Такая пуля, попадая в тело, разворачивается, словно цветок, и очень быстро останавливается. Внутри, – улыбнулась девушка. – Насквозь не проходит и никакой опасности пробить ненароком обшивку лайнера нет. Это специальная технология, такими патронами снабжают только полицию и ФБР.

Сергей почувствовал, как по его спине, прижатой к двери туалета, пробежал противный холодок: «Магда» рассказывала о пуле в теле – в его, Сергея теле – словно о рецепте

какой-нибудь яблочной шарлотки, которой собирается угостить вечером. Змея! Гадюка! А он еще хотел ее...

«Почему только „хотел“? – насмешливо хмыкнул кто-то в его голове. – Вот здесь бы и прижал... Прямо на умывальнике и по всей форме. Чмо озабоченное! Лох ушастый!..»

– Мы отвлеклись, – продолжала «датчанка». – Перекинь-ка кофточку через наручники... – Она кивнула на лежащую на умывальнике кофточку, которую принесла с собой. – Ни к чему остальным пассажирам знать, что между нами размолвка. И помни, что мне известно о твоей службе в маринах...²³

– Где?

– Это... В морской пехоте, – нашлась сотрудница ФБР. – Поэтому, давай-ка без приемов карате и прочего джиу-джитсу... Не проканает! – с очаровательной улыбкой закончила она.

– Я и не собирался... – обиделся Сергей, в душе продолжавший оставаться рыцарем и не представлявший себе как это: ударить женщину. – А ты хорошо подготовилась... Я имею в виду: много слов знаешь... э-э-э... не из словаря.

– Ха! – девица выдала серию таких «несловарных» выражений, что у Извекова зардели уши. – Спецкурсы ФБР! Я и по фене ботаю...

– Не надо! – запротестовал парень, в глазах которого образ нежной и обаятельной Магды рассыпался на глазах. – Ве-

²³ Марин – обиходное название морского пехотинца в США.

рю!.. Как тебя хоть зовут-то по-настоящему? Наверняка ведь не Магдой? – с кривой улыбкой поинтересовался он.

– Конечно не Магдой, – хмыкнула «крутая агентша». – Но очень похоже... Мэгги. Мэг Смит. Мэгдалайн, если полным именем.

– Ага, – подхватил Сергей. – «Зваться в Америке Смитом все равно, что не зваться никак...»

– Точно! – улыбнулась Мэгги. – Только не в Америке, а в Германии, и не Смитом, а Мюллером. Это из фильма вашего режиссера Захарова про барона Мюнхгаузена, – пояснила она и вздохнула. – Но вообще-то правильно...

В салон вернулись, совсем как влюбленные, только девушка все время зябла и кутала руки кофточкой. Бросил на них понимающий взгляд, пряча улыбку в пышных усах, лишь один седовласый красавец лет восьмидесяти из соседнего ряда, судя по всему, изрядно грешивший в молодости.

Очувтившись в своем кресле, Сергей откинул голову на высокую спинку, прикрыл глаза, чтобы обдумать ситуацию, и неожиданно для себя задремал...

* * *

Снилось ему нечто совершенно невообразимое...

Сначала все, без исключения, персонажи компьютерных «стрелялок», гоняли парня по переходам, этажам и подвалам какого-то громадного здания совершенно шизофренической

архитектуры, причем из всего доступного «оружия» у него в наличии были лишь собственные кулаки.

Справедливо заключив, что с голым кулаком против восьмирукого страшилища, например, закованного в шипастую броню, да к тому же покрытого ядовитой слизью, не попрешь, из всех доступных видов обороны, Сергей выбрал самый эффективный, то есть бегство. Монстры, видимо, обрадованные возможностью отомстить разом за всех, изощренно «замоченных» геймером собратьев, сладострастно растягивали месть, предпочитая окружению длительную погоню, а когда беглец, выдохшись замедлял бег, тоже переходили на шаг, довольно потирая ладони, клешни, щупальца и прочие хватательные конечности... В реале его давным-давно настигли бы, но погоня происходила во сне и обе стороны отлично понимали это.

Шоу длилось уже целую вечность (совершенно незаметно оно переместилось сначала на улицы Флоренции, а потом и в Челябинск), и конца ему не предвиделось, когда на сцене возник новый персонаж.

Взмахнув гривой соломенных волос, прямо посреди площади Революции, куда враги, наконец загнали беглеца, эффектная в своем черном кожаном одеянии, вернее, в практически полном отсутствии такового, возникла разъяренная Магда-Мэгги. При виде ее Сергей даже перестал карабкаться на постамент к бронзовому Ильичу, от изумления напялившему на голову кепку, которую до этого держал в руке,

и теперь нервно оглядывавшемся, в какую именно сторону ему лучше «пойти другим путем».

Вообще-то Извеков стремился на Комсомольскую площадь, благо там на постаменте замер символ «Танкограда» – самый могучий танк Второй Мировой «ИС-3», по слухам, во вполне рабочем состоянии. Уж тут-то Сергей развернулся бы: какой морпех спасует перед танком, хотя и устаревшим, но принципиально от современных не отличающимся... Но коварные враги легко раскусили его замысел и, по всем правилам охоты, отрезав на перекрестке проспекта Ленина и улицы Свободы все пути к отходу на более выгодные позиции, направили вниз по проспекту...

И вот теперь появилась восхитительная в своей ярости амазонка, облаченная в крохотный черный кожаный купальник-бикини с металлическими заклепками и высокие сапоги почти до самого... до самого этого... ну вы поняли. Никаких вульгарных пистолетов! Мэгги была вооружена лишь фэбээровским значком и длинным кнутом.

Бронзовый Ленин не выдержал стольких свалившихся на него за один день потрясений и, по-бабьи подобрав длинные полы своего пальто, все-таки дунул скачками в сторону Оперного Театра, туда, где кольцо монстров-преследователей было поуже. Сергей же остался на гранитном постаменте в трогательном одиночестве, ощущая себя маленьким и голым...

Стоп! А он ведь и в самом деле голый, как младенец! Сты-

духа-то какая! Какая-никакая, а Мэгги-то девушка...

Под омерзительный гогот уродливых тварей, парень неловко прикрылся ладонями, хотя стальной браслет на правом запястье жутко мешал это сделать.

Видя смущение своего пленника, грозная валькирия сперва хихикнула в кулачок, как простая девчонка, но потом решительно нахмурилась и щелкнула своим бичом, будто укротительница в цирке. Под точно такие щелчки тигры и львы безропотно встают на задние лапки, зажмурясь, сигают в пылающие кольца, и носятся галопом по арене...

«Жутики», однако, оказались даже трусливее каких-то там львов и дружно прыснули во все стороны, будто мартовские коты, которым, ведром холодной воды из окна, неожиданно прервали бурное выяснение отношений между собой. Владимир Ильич, испуганно выглядывающий из-за фонтана, который ему явно был маловат в качестве укрытия, пригнулся еще более и, на четвереньках, бросился вслед за самими неповоротливыми из них, неведомо куда, должно быть в эмиграцию или, по меньшей мере, в Разлив.

Разогнав таким образом всю преследовавшую Извекова братию (и даже более), Мэгги уперла кулачки в очаровательные бока и рывкнула, как армейский старшина, на всю притихшую, словно перед бурей, площадь:

– Чего встал как столб? А ну слезай!

Сергей с ужасом почувствовал, как ледяной браслет на руке судорожно задергался, стягивая его с пьедестала, а вся

площадь затряслась, вскипая асфальтовыми волнами. Постамент накренился, тонущей лодкой и он полетел куда-то в разверзшуюся под ногами черную пропасть, наполненную что-то тоскливо курлычущими мятущимися душами, куда еще впереди него летела мучительница, на глазах теряющая человеческий облик...

Вот она набрала в грудь воздуха и гаркнула:

– Проснись, Серж, проснись!!!..

* * *

– Проснись, Серж, проснись!..

Наручник, оказывается, и в самом деле дергал Сергея за руку, все вокруг тряслось и скрипело, а вопили вовсе не грешники, а пассажиры, которых пытались утихомирить мечущиеся по салону бортпроводницы, сами белые, как полотно.

Первым, что бросилось Извекову в глаза, были огромные, во всю радужку, зрачки на белом в синеву лице его коварной спутницы с уродливыми алыми пятнами на скулах.

«А ты, оказывается, вовсе не железная леди, милая! – удовлетворенно подумал среди всего этого тарарама Сергей, ощутив крепкий алкогольный дух, исходящий от Мэгги: похоже агент ФБР в его „отсутствие“ пыталась укрепить свой дух остатками виски, пустая бутылка из-под которого сейчас перекатывалась под ногами. – Ох, не железная...»

– Мы падаем? – поинтересовался он как можно безразличнее.

– Н-н-нет... – выдавила, стуча зубами, Мэгги. – Стюардессы утверждают, что это струя от пролетевшего до нас реактивного лайнера...

– Вау! Прямо, как в фильме «Турбулентность»! И давно?..

– Ты тоже видел этот фильм? – немного порозовела фэб-ээровка, заражаясь спокойствием арестованного. – Минут пятнадцать уже...

Пятнадцать? Плохо...

– Тогда начинайте волноваться, – улыбнулся Сергей. – Дело, действительно плохо. Но, то что мы сейчас не на морском дне, как-то обнадеживает. Ведь мы над океаном?

– Да...

– Скоро аэропорт?

– Судя по времени, мы уже час, как должны были прилететь! – неожиданно взорвалась девушка, колотя свободным кулачком по подлокотнику кресла так, что остальные пассажиры забыли о своих страхах и притихли. – Мы уже давным-давно должны были быть в аэропорту Нью-Йорка! Я уже час, как должна была сдать тебя с рук на руки!

– Тихо, тихо... – успокаивающе гладил ее по вздрагивающему плечу Извеков. – Успокойся, глупая... Ведь мы еще не падаем?..

Словно в ответ на эти слова, самолет как-то рывком мотнуло в сторону и он, круто накренившись, пошел вниз.

Мэгги оборвала свои причитания на полуслове и явственно позеленела. Сергей тоже почувствовал, как желудок бодро устремляется куда-то вверх.

«Похоже кранты... – успел подумать парень, пытаясь судорожными глотками воспрепятствовать побегу сего чрезвычайно важного для жизнедеятельности органа. – Приехали...»

Под тоскливый вой и причитания пассажиров, самолет, все ускоряясь и ускоряясь, скользил куда-то в неизвестность...

– ...вероятно навсегда.

Докладывающий Президенту офицер разведки, конечно, читал по бумажке. Не мог он, не имел права изменить хотя бы одно слово, хотя бы одну букву в столь важном тексте. Президент слушал и согласно кивал головой. Он сам уважал шпаргалку даже тогда, когда по смыслу должна была иметь место импровизация. Зачем же иначе платят деньги десяткам «спичмейкеров»? Эпоха импровизаций, особенно в верхних эшелонах власти Российской Федерации давно ушла в прошлое, вместе с последним импровизатором...

– Значит, на сегодня, все-таки, не до конца прояснен сам факт исчезновения Соединенных Штатов Америки с поверхности земного шара?

Президент остался верен себе и в эту, весьма щекотливую минуту. Там, где любой другой подпустил бы драматизма, произнеся «загадочное исчезновение» или даже «таинственное исчезновение» он, как бывший офицер службы, более всего ценящей точность и объективность, ни на йоту не отступил от протокольной формулировки. «Исчезновение». Только так и ничего более.

Молодой подполковник тоже едва заметно кивнул и продолжил чтение:

– На сегодня рассматриваются три основные версии слу-

чившегося...

Если отвлечься от темы доклада, можно было предположить, что разговор идет, в лучшем случае, о виртуозно ушедшем от опеки контрразведчиков иностранном резиденте, а вовсе он о пропаже почти что целого континента. Специфика-с!

– Хотя последняя, вследствие полного отсутствия разрешений и сопутствующих природных явлений, как то: землетрясений, цунами, оползней и прочено, практически не рассматривается.

– Не рассматривается? – вопросительно поднял бровь Президент.

Подполковник смешался. Ответа на последний вопрос, конспект доклада не предусматривал.

– Хорошо. Вы свободны, – отпустил Верховный Главнокомандующий своего верного солдата. – Можете идти...

Стоило массивной двери с золотыми инкрустациями закрыться за подтянутым военным, подающим большие надежды и, вполне возможно, обреченному закончить карьеру обладателем трех, а то и четырех больших звезд на погонах, как Президент живо обернулся к сидящим в дальнем углу трем пожилым и совершенно лишенным выправки мужчинам.

– Ваше мнение, товарищи.

С глазу на глаз со своими можно было не церемониться.

– Туфта, – безапелляционно заявил старший из стариков,

ковыряя в заросшем жестким седым волосом ухе длинным узловатым пальцем без всякого пиетета перед сидящим перед ним сухопарым мужчиной недавно перевалившем возрастную категорию «средний возраст». – Фуффло.

– Коллега хотел сказать, – незаметно тыча соседа локтем куда-то в область печени, заторопился второй «аксакал», пониже, поплотнее и с гораздо меньшим количеством столь же седой растительности на голове. – Что ни одна из гипотез не в состоянии объяснить бесследного исчезновения почти девяноста процентов Североамериканского материка без всяких последствий для соседних частей суши.

– Я и говорю: фуффло! – благодушно подтвердил костлявый великан, шумно прихлебывая изрядно остывший чай из «сталинского» стакана с подстаканником.

– А точнее?

Чем-чем, а терпеливостью Глава Государства мог поспорить с пауком, способным часами неподвижно висеть в своей паутине в ожидании неосторожной добычи.

– Лично я сказал бы, что это – событие скорее физическое, чем географического плана, – развел руками пухлый старичок. – Тут мне видится прямая взаимосвязь с проблемами пространства-времени, как взаимопроникающих и взаимодополняющих субстанций...

В течение последующих пятнадцати минут Президенту очень хотелось встать и пройтись по комнате, возможно, колесом, чтобы стряхнуть с себя вязкую, опутывающую созна-

ние нить, которая легко лилась из не по-стариковски ярких уст академика, напоминающего крепенький боровичок.

– А вы что думаете? – вперил он свой прозрачный, по утверждению многих, обладающий гипнотическими свойствами взгляд в третьего, до сих пор сохраняющего молчание, собеседника.

– Я, в отличие от своих коллег, не располагаю их опытом и заслугами, – действительно, третий академик был самым молодым из всех – не более, чем на десять лет старше самого Президента. – И привык излагать свои мысли в более удобоваримой форме.

Ученый помолчал немного, собираясь с мыслями.

– Несколько лет назад мне довелось столкнуться с работами некого молодого ученого из США (его имя вам ничего не скажет) выдвигавшего некоторые, заслуживающие должного внимания, идеи...

– Деннингс! – хлопнув себя по колену и расплескав чай, долговязый упер палец в своего младшего товарища, словно только что уличил его в чем-то совершенно непотребном для ученого, к примеру, в признании реального существования Божественного промысла или кощунственной вере в НЛО.

– Да, вы правы... – слегка поморщился «молодой». – Вернее, я имел возможность ознакомиться лишь со следами его работ, примерным пересказом их в европейской научной прессе, причем, зачастую в критическом ключе, так как почти сразу после известного теракта 16 апреля он исчез с

научного небосвода вместе со всеми упоминаниями о нем в американской прессе. Скорее всего, был засекречен. Это известная практика...

– И чем же он занимался? – перебил Президент несколько увлекшегося ученого: поборником конкретики тот тоже, видимо, был лишь на словах.

– Единой Теорией Поля, – пожал плечами ученый. – И я подозреваю, что он пошел по пути Альберта Эйнштейна, вернее, продолжил те исследования, все материальные следы которых великий теоретик самолично или кто-то за него, уничтожил...

– Эксперимент «Филадельфия», – в один голос заявили остальные академики, кивая головами друг другу...

* * *

– В октябре 1943 года на одной из военных судостроительных верфей Филадельфии в присутствии военных проводился эксперимент по защите от радиолокационного обнаружения военного корабля – эскадренного миноносца ВМФ США «Элдридж». На борту судна были смонтированы некие особенные генераторы электромагнитного поля, принципиально новой конструкции и большой мощности. При их включении, корабль должен был стать полностью невидимым для радаров противника. Есть мнение, что он также должен был стать и оптически невидимым из-за искривле-

ния лучей в мощном электромагнитном поле.

Полковник О'Хиггинс остановился, чтобы перевести дух и глотнуть воды из услужливо поданного стакана. Все присутствующие терпеливо ждали.

– Эксперимент увенчался полным успехом. Корабль исчез на некоторое время и для приборов, и для внешних наблюдателей, а затем появился снова. К сожалению, в аварийном состоянии, горящим. Многие члены экипажа погибли, часть пропала без вести. Чем была вызвана катастрофа – аварией генераторов или чем-то еще, так и осталось неизвестным. Естественно, это привело к признанию опыта неудачным, а все материалы по нему, как представляющие огромную военную ценность были засекречены.

По непроверенным до сегодняшнего дня данным, научное руководство экспериментом принадлежало непосредственно Альберту Эйнштейну, а в работах над ним принимал участие знаменитый физик Никола Тесла, скончавшийся за несколько месяцев до, собственно, начала эксперимента...

Старинное помещение наполнилось сдержанным шумом и докладчик вынужден был повysить голос.

– Официальные данные о проекте так никогда и не были опубликованы и, вообще, некоторая информация просочилась в прессу лишь десятки лет спустя, послужив поводом для всякого рода околонуучных сенсаций и спекуляций. К примеру, широко муссировались слухи о перемещении «Элдриджа» во времени, что впоследствии было обыграно

в двух широко известных фантастических фильмах и ряде книг. Якобы, напуганный масштабами произведенного под его руководством эксперимента, Эйнштейн незадолго до своей смерти в 1955 году уничтожил все документы и работы, касающиеся проекта «Филадельфия». Так это или нет, неизвестно до сих пор, но уничтожение великим физиком части своего архива – реальный факт. Более того, в сути его поздних работ способен разобраться далеко не всякий физик.

– Вы утверждаете...

– Я ничего не утверждаю, но моему ведомству доподлинно известно, что с конца 90-х годов прошлого века в Соединенных Штатах и ряде европейских стран, в частности, в Соединенном Королевстве, был опубликован ряд научных работ одного молодого ученого, которого некоторые представители ученого мира прочили в продолжатели идей Альберта Эйнштейна. После известного всем грандиозного теракта 16 апреля, работы физика были засекречены и методично изъяты даже из научных библиотек и большей части личных собраний, причем не только в США, но и в других странах, что, несомненно, облегчалось их микроскопическим тиражом. Например, нам удалось найти лишь некоторые из них...

– Даже в Великобритании?

– Даже в фондах Британской библиотеки под их каталожными номерами находились совершенно посторонние издания.

– Когда вы заинтересовались этим вопросом?

– Сразу после того, как в США, якобы для работы в американских научных учреждениях отправилось более десятка британских ученых, вернее, после того, как пропали без следа трое из них. Как нами было установлено достоверно, отъезд и исчезновение ученых, работавших в близкой к профессору Деннингсу сфере имел место и в других странах, причем, не только в Европе, но и в России и странах Третьего Мира.

– Профессор Деннингс – это тот самый молодой ученый?

– Да, это он.

– Почему ваше ведомство своевременно не подняло тревогу в связи с исчезновением такого количества ученых одного направления?

– После того, как был окончательно выяснен конечный пункт их маршрута и после консультаций с вышестоящими инстанциями, работа в этом направлении была законсервирована.

– Под вышестоящими инстанциями вы подразумеваете премьер-министра?

– Да, и его тоже.

– В какой именно области физики работал упомянутый Деннингс?

– Докторскую степень он получил за теоретическое обоснование некоторых аспектов Единой Теории Поля.

– Выразайтесь яснее, полковник. Что это за теория?

– В ее основе лежит теория о тесной взаимосвязи про-

странства, времени и гравитации. Основные постулаты ее были предложены еще Альбертом Эйнштейном...

– Опять Эйнштейн. Эта теория имеет прикладное значение, например, в военной области?

– Нет, не имеет. По крайней мере, не имела до сих пор.

Полковник О'Хиггинс помолчал, но не более того, чем это требовалось.

– Дело в том, что некоторые исследователи «Филадельфийского эксперимента» утверждают в один голос, что Эйнштейну, с помощью какой-то установки, действующей по неизвестному принципу, разработанной совместно с Никола Тесла, удалось путем создания электромагнитного поля огромной мощности свернуть вокруг эсминца «Элдридж» пространство. Побочным эффектом оказалось изменение времени...

– Ерунда! Разве время можно изменить?

– Физики-теоретики и ряд математиков не видят здесь ничего невозможного. К примеру, в поле действия гравитации некоторых звезд, именуемых Черными Дырами...

– При чем здесь звезды?

– Я хотел лишь привести пример...

– До какой степени, предположительно, могло свернуться, как вы выразились, пространство вокруг эсминца?

– Точно этого не может сказать никто. Но, возможно, «Элдридж» и все окружающее его в радиусе нескольких сотен ярдов на некоторое время сжались в точку. Примерно, до

размеров элементарной частицы...

По залу пронесся сдержанный вздох...

* * *

– Я бы сказал, господа, – губернатор Флориды Лестер Моусон оглядел присутствующих. – Что мы, в данный момент, участвуем в самом малочисленном заседании Конгресса США за всю его историю.

– И самом представительном, кстати, – проворчал сенатор от Аляски Роберт Эрчетт.

Действительно, в скромном по размерам кабинете гавайского «Капитолия» собрались два губернатора: от Гавайев и Флориды, четыре сенатора: два от Аляски и по одному от Гавайев и Флориды и девять членов Палаты представителей, оказавшихся дома во время Катастрофы, то есть почти все, кто остался... Один из членов Палаты представителей проводил отпуск в Европе и теперь спешил на родину. Из-за малочисленности и важности повода, заседание представителей законодательной и исполнительной властей решили сделать общим.

– Господа, – взял слово старейший, из присутствующих здесь, сенатор от «Штата Алохи²⁴» Кевин Ластки. – С момента Катастрофы прошло чуть более двенадцати часов и мы

²⁴ Иносказательное название Гавайев. По-полинезийски означает приветствие.

собрались здесь, чтобы избрать временного Главу Государства и решить несколько важнейших задач, стоящих перед нами в это тяжелое время.

Наш дом разрушен. От пятидесяти штатов, живших единой семьей, осталось только три, причем не понес потерь только один – тот, где мы сейчас находимся, а также Пуэрто-Рико. В настоящий момент от территории США осталось лишь семнадцать процентов, а их население составляет восемнадцать с половиной миллионов собственно на территории государства и немногим более пяти миллионов – туристы, военные, дипломаты, представители компаний и прочие – за рубежом. Мы потеряли практически все сельскохозяйственные земли (основная часть нашей территория приходится сейчас на непригодные для сельского хозяйства полярные и приполярные области Аляски), промышленность, инфраструктуру и научный потенциал. Положительным моментом является только то, что сохранены почти две трети вооруженных сил и ВМС, размещенные, в основном, в Европе, Азии и мировом океане и большая часть орбитальной группировки – временно потерянный контроль над спутниками удалось перевести на резервный центр управления на Гавайях...

– Значит мы не беззащитны?..

– Соединенные Штаты по-прежнему в состоянии дать достойный отпор любому агрессору в любой точке планеты.

Переждав аплодисменты сенатор продолжил.

– Некоторую проблему, конечно, представит их снабжение, но...

– Это почему еще? – подал голос краснолицый, похожий на моряка, которым он, собственно, и был раньше, член палаты представителей от Флориды Альберт Макгвайер.

– Дело в том, что Форт-Нокс исчез вместе со штатом Кентукки, а вместе с ним, и практически весь золотой запас США. Наше экономическое положение я кратко обрисовал выше...

– Ну и что с того? – не унимался недоверчивый Макгвайер.

– Федеральная резервная система США тоже прекратила существование, – вздохнул сенатор Ластки. – Нам просто нечем сейчас обеспечить нашу валюту, разве что снегами Аляски, солнцем Гавайев и цветами Флориды... К тому же, печатать доллары тоже негде...

– Боюсь, нехватка наличной валюты нам не грозит, – подал голос из своего угла, куда забился по обыкновению, тощий, похожий на кузнечика сенатор Бернштайн.

– Как это? – обернулись все к нему.

– А вы не забыли, господа, – с неприкрытой издевкой ответил тот. – Сколько наличных долларов, напечатанных нашим «Бюро Гравирования и Печати», поглотили развивающиеся экономики? Азия, Африка, Россия, наконец?..

6

Алексей Мерзлин оторвал тяжелую голову от стола и попытался нашарить бутылку.

Бутылка, после некоторых поисков, благополучно нашлась, но вот содержимого в ней было ровно столько, сколько хватило бы, чтобы напоить, скажем, комара или средних размеров таракана.

«Неужели это все я один высосал? – мучительно попытался собрать разбегающиеся мысли Лешка. – Не может быть...»

Но факт был непреложен и не допускал иных толкований: литровый сосуд из под ванильного «Абсолюта» был пуст, а собутыльников за столом не наблюдалось.

«Мы же, вроде, с Серым начинали, – мысли не желали выстраиваться в привычные подтянутые шеренги, предпочитая им некое беспорядочное движение, давным-давно описанное англичанином Броуном. – За его выигрыш... Хотя...»

Все дело в том, что Алексей чувствовал себя настоящим предателем и чувство это было настолько ярким и всеобъемлющим, что хотелось скрыться, зарыться куда-нибудь или, к примеру, утопиться. Хотя бы в водке...

История началась больше года назад, когда Мерзлин, совершенно случайно открыл один, сравнительно безопасный, способ обогатиться. За чужой счет, естественно.

Дело-то было плевое: перевести с нескольких, случайно выбранных, счетов некоторые не слишком бросающиеся в глаза суммы на один, вполне определенный. Схема, согласитесь, не нова и немало «продвинутых» наследников бессмертного Остапа ее, в свое время, провернуло, но... Провести несложную операцию так чисто, чтобы не оставалось никаких зацепок, удавалось далеко не всякому. Если точно, то почти никому. Подобно извечному соревнованию щита и меча, а позднее брони и снаряда, защита от взлома и шустрые ручки, угрожающие ей, постоянно соперничают уже не один десяток лет и, если защита не смогла до сих пор построить надежную на сто процентов преграду, то уж выискивать нарушивших ее «девственность» злоумышленников научилась довольно эффективно.

Алексей, маниакально осторожный от рождения, как раз, в отличие от большинства своих «коллег» не кинулся сразу же конвертировать свои идеи в шуршащие разноцветные бумажки с портретами давно почивших в Бозе президентов и изображениями европейских мостов и ворот, а сперва постарался построить между собой, еще ничего предосудительного не совершившим, и потенциально обиженными им обладателями вышеупомянутых бумажек, стену достаточной высоты.

Можно было, конечно, купить какой-нибудь «левый» паспорт, где-то и когда-то утерянный или украденный, «нависив» на ничего не подозревающего растяпу, кроме десят-

ка-другого несуществующих в природе фирм-однодневок, зарегистрированных на его имя «дешевеньких» «Альфа-Ромео» и всяких разных джипов, еще и солидную сумму, но связываться с откровенным криминалом Мерзлину претило.

Случай подвернулся, как всегда, случайно.

«Оголодавшему» в армии другу-компаньону Сереге Извекову «запоносило» «оттянуться по полной» в жарком забугорье и Алексей посодействовал ему в получении загранпаспорта: имелись кой-какие связи в ОВИРе. Естественно, все анкеты тоже заполнил сам, по дружбе...

Нет, сначала не было даже и мысли подставлять Извекова, но больно уж все удачно складывалось...

Серега поехал загорать в свой Египет, а Алексей начал действовать.

Сначала он тщательно «засветил» его в Интернете во всех возможных и невозможных местах, прилежно создавая образ этакого не очень чистого на руку и не особенно отягощенного интеллектом «свободного художника», дорвавшегося до халявы. В ход шли взломанные пароли платных сайтов, причем, не только «порнушных», спамовые рассылки, обещавшие головокружительные дивиденды, вложившим куда-нибудь в Нигерию, исключительно по протекции некоего «г-на Мобуту» или «д-ра Око-Оболе» несколько десятков тысяч «зеленых», пара компьютерных «пирамид» и даже откровенно мошеннический интернет-магазин... Причем, на реальный доход от всех этих «гешефтов» Мерзлин

и не надеялся, так что пара-другая тысяч явилась скорее подарком.

Когда же подготовка была закончена, пришла очередь главного. То самое, ради чего затевалась вся свистопляска отняло от силы неделю, после чего деньги были переведены на несколько открытых опять же на имя Сергея пластиковых карт, откуда стремительно рассосались (опять же несколько интернет-магазинов, сетевых казино и т. д. и т. п.), с не меньшим изяществом переключав через пару-тройку «станций» в карман самого замороженного «Копперфильда». Ловкость рук и никакого мошенства, понимаешь!

Тысчонкой, правда, пришлось пожертвовать, положив ее на банковский счет, конечно, на имя ни в чем не подозревающего «компьютерного взломщика», но, вдруг для розыска пропавших денег привлекут отечественные службы?

Заключительным аккордом всей операции была продажа системного блока, с которого велась вся работа, за сущие гроши (якобы из-за покупки нового, более мощного «компа») благодарному за это без памяти другу, от радости забывшему, что истинному компьютерному асу совсем необязательно с целью повышения производительности техники, заменять ее кардинально – достаточно модернизации на уровне отдельных блоков...

После «смерти» виртуального «Извекова» минуло больше года. Неправедно нажитые денежки частично «крутились», принося неплохой «навар» в Москве (куда Алексей и сам по-

думывал перебраться) в руках мамино́го брата дяди Яши, частично, превращались в различные блага цивилизации. Сам «комбинатор» начал уже забывать, не видя явных проблем у подставленного им друга, о всех опасениях, связанных с удачно провернутой операцией, как грянуло...

Это чертово приглашение, полученное Сергеем из Италии, заставило Мерзлина изрядно поволноваться, и был даже момент (и не один), когда он хотел обо всем признаться другу. А что? Денег с лихвой хватило бы и на двоих (особенно, если не заикливаться на сумме, «обнародовав», скажем, процентов двадцать, а то и менее...). Спрятать до того момента, как все уляжется, парня в Москве под крылышком того же дяди Яши, по принципу «иголки в стоге сена»... Но Алексей так и не решился. И не одни лишь финансовые зоны взяли верх...

Билась в мозгу слабенькая надежда, что все волнения не стоят и выеденного яйца, чемпионат – не липовый, и Серега, повидав Италию, вернется вскоре домой, с пустыми карманами, но довольный... Зачем же терять друга (в первую очередь), поспешно разоблачаясь перед ним? После оглушительного выигрыша Извекова надежда совсем скорчилась, но открыться ему теперь значило подставить себя по полной программе...

Неразрешимая нравственно-финансово-шкурная дилемма (теперь уж, наверное, трилемма, какая-нибудь) довела Мерзлина до закономерного финала: он запил.

Два дня, запершись в своем тайном «гнездышке» на Северо-Западе (не таскать же случайных девчонок домой, прямо под огонь тяжелой артиллерии в лице родителей?), сказавшись всем отъехавшим по делам в «столицы», совершенно один, изредка выбираясь на волю лишь для того, чтобы пополнить запасы съестного и горячительного, Алексей «квасил»... Нет, он не жрал стаканами гнусную водяру – его «самобичевание по-русски» носило более утонченный характер: шампанское под фрукты и икру, сменял «Мартини» под паштеты и салаты, его, в свою очередь, коньяк с лимоном, и лишь потом пришла пора водки, но, опять же, самой приличной...

То ли водочка, извечный русский прояснитель совести, хотя и в импортной упаковке, то ли иные материи сыграли свою роль, но, под занавес «злодей» дозрел до того, что каждые пятнадцать-двадцать минут хватал мобильник, вновь и вновь набирая хорошо знакомый номер. Заранее обливаясь сладкими покаянными слезами он жаждал выкрикнуть в мембрану роковые слова, но... Равнодушный женский голос ледяным тоном неизбежно сообщал ему, что «абонент недоступен или временно находится вне зоны досягаемости...» Означать это могло только одно, но, пропустив пару рюмок, Алексей снова и снова шарил по столу в поисках скользкой коробочки...

Курт Вайцхогель лихо тормознул свой мощный сверкающий «БМВ» у знакомого отделения «Дрезденер Банка», привычным движением ботинка откинул никелированную подножку и, ласково шлепнув по обширному заду, обтянутому черной кожей, подружку, так и не покинувшую заднего сиденья, направился к уличному банкомату, на ходу вынимая из нагрудного кармана «кредитку».

Погодите морщить носы, господа: господин Вайцхогель вовсе не относился к сорту байкерского сообщества, предпочитающему немытые патлы элегантной прическе, вонючую комнатку в трущобах приличной квартире на Александр-Плац, а социальное пособие – неплохому жалованию в серьезной фирме. Всего первого с лихвой хватало в жизни Курта и до знаменитого «разрушения Стены²⁵», когда будущее в «красной» Германии казалось беспросветно серым, вождеденный Запад – недостижимым, а восемнадцать лет, прожитые на белом свете – бесконечным марафоном... «Порошок», добытый неведомыми путями, тогда был (или мнился?) единственным просветом, суматошная толкотня

²⁵ Имеется в виду знаменитое разрушение Берлинской Стены 9 ноября 1989 года, когда стихийными толпами с обеих сторон была снесена бетонная стена с 1961 года разделяющая столицу Германской Демократической Республики на две зоны – Западную и Восточную.

дискотеки под рев луженой глотки Тилля Линдемманна, еще не помышлявшего о «Раммшайне» – верхом наслаждения, а «стальной конь», не нынешний, конечно, а попроще – Пега-сом...

И вот все это, кроме ревушего бензинового монстра – в прошлом. И «штази²⁶», и Стена, и русские солдаты, стены городка которых упоенно разрисовывались звездами, свастиками и лозунгами типа «Убирайтесь в ж... русские сви-ньи!»... И месяцы лечения в наркодиспансере, и студенче-ская скамья в благополучном западном Трире, и анекдоты про умных «веззи²⁷» и тупых полудиких «оззи», от которых сами собой сжимались кулаки, и долгое блуждание в поис-ках работы...

Слава Богу, нашелся тогда умный человек, шепнувший на ухо, что «оззи», пусть даже учившемуся на Западе, там де-лать особенно нечего, но вот на Востоке... Слава Богу, озве-ревший от безденежья Курт тогда послушал его, купив на последние свои марки билет до родного Берлина...

И снова блуждание без работы, хотя и очень непродолжи-тельное, и сакраментальный вопрос симпатичной секретар-ши в офисе: «Знаете ли вы, герр Вайцхогель, русский язык (кто же его, проклятый, в бывшем Восточном Берлине не

²⁶ «Штази» – жаргонное название службы госбезопасности ГДР «Staatssicherheit», аналога советского КГБ.

²⁷ «Веззи» и «оззи», от немецкого «West» – «Запад» и «Ost» – «Восток» – жаргонное название «западных» (ФРГ) и «восточных» (ГДР) немцев. На Западе типичными считаются «оззи», на Востоке – наоборот.

знал тогда в девяносто пятом)?..», и новые «старые» анекдоты сослуживцев про находчивых деловитых «оззи» и тупых ленивых «веззи»... А потом – первая поездка в пугающую Россию, в бесконечных снегах которой в страшном 43-м сгинул без следа дедушка Фриц, штурмфюрер «панцер-СС», да еще не куда-нибудь в относительно цивилизованные Москву или Петербург, а в далекую Тюмень, мнившуюся тогда где-то «на краю географии»... И первая сумма с четырьмя нулями, полученная по возвращении в родной «Дойчланд» действительно отупевшим от выпитой водки, бесконечной бани, российских просторов, виденных из иллюминатора вертолета, и веских деловых предложений от пьяных здоровенных мужиков с неожиданно трезвыми, как пистолетные дула, стальными глазами... Меньше всего тогда Курт думал о том, что придется еще раз посетить эту дикую и великую одновременно страну... Через полгода его уже знали в лицо почти все улыбочивые стюардессы «Люфтганзы» на российском направлении и, наверное, все, без исключения, сибирские медведи...

В дневной своей ипостаси нынешний «герр Вайцхогель» служил менеджером среднего звена в «Штольц Бауверке АГ» имеющей запутанные, но весьма прочные связи с добрыми двумя десятками стран, как в Евросоюзе, так и по обе стороны Германии, причем, на западе – за проливом и океаном, а на востоке – в основном за Волгой и Уральским хребтом... Ну а вечером «старина Курт»... В свободном де-

мократическом обществе всякий имеет право на частную жизнь.

Карта привычно воткнулась в щель автомата. Несколько несложных манипуляций и... и... «На вашем счету 0.00 евро»? Это что, шутка? Весьма неудачного свойства, господа, весьма неудачного!..

* * *

– Ты вызвал полицию, Хосе?

От мощного рева внизу герметичные стеклопакеты дребезжали так, как не дребезжит, найденный на помойке и закрепленный в раме ржавым гвоздиком, осколок стекла в окне нищей халупы последнего пеона, от проезжающего по дороге мощного самосвала «Юнайтед Металлик», груженного медной рудой.

– Вызвал, – Хосе Эусебио, старший менеджер эквадорского филиала упомянутой корпорации, претендующей на звание транснациональной, был несколько зеленоват с лица, что, учитывая общий густо-оливковый оттенок его кожи, свидетельствовало о почти что смертельной бледности. – Они очень удивились, что мы еще живы и посоветовали покончить самоубийством пока шахтеры не смели охрану...

– Кассуалдос!²⁸ Воиючие кассуалдос! – взорвался почтен-

²⁸ Труднопереводимое латиноамериканское ругательство.

ный Энрике Кордеро и врезал могучим шахтерским (в прошлом, увы, в далеком прошлом) кулаком по столу так, что подпрыгнула тяжелая пятнадцатизарядная «Астра», давно уже извлеченная из сейфа «на всякий случай». – Как брать деньги, так они завсегда, а как дойдет до дела... А своему зятю на базу «Мария Селеста» ты звонил?

– Звонил, но вы же знаете, что почти все низшие чины из вертолетчиков – вчерашние шахтеры... Паулито с десятком верных офицеров забаррикадировался в столовой и сам просит у меня помощи. Говорит, что продержится еще час-полтора, самое большее – до вечера. Он сказал, что в столице такие же волнения и восставшие уже берут штурмом президентский дворец...

Из панорамного окна со звоном вылетел толстый осколок и рев толпы, собравшейся внизу, сразу стал оглушительным, как океанский прибой. Одновременно в кондиционированное помещение ворвался жаркий воздух улицы, насыщенный ароматами цветущих деревьев, разгоряченного людского скопления и порохового дыма.

– Они стреляют! – завопил дон Эусебио, бросаясь ничком на пол и прикрывая затылок сцепленными руками от сыпавшихся непрерывным дождем осколков стекла и кусков штукатурки, отколотых шальными пулями от потолка и стен. – Пора спасаться, дон Кордеро!

– Черт бы побрал этого президента Гутьерреса!²⁹ – пуза-

²⁹ Президент Нобoa в 2000 году отменил на территории Эквадора хождение

тый Кордеро, пыхтя, боком, словно краб выбрался из за стола, не забыв сцапать со стола и засунуть за опояску брюк пистолет, выдавая своим уверенным движением давние, не очень законопослушные деяния юности. – Чтоб его черти поджаривали в аду на медленном огне... А вместо дров использовали эту проклятую «зелень», которой гринго³⁰

национальной валюты, введя, по примеру Панамы, прямое обращение доллара США, позднее, новый президент Лусио Гутьеррес еще более привязал страну к США.

³⁰ Гринго – презрительное название жителей США в Латинской Америке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.